

подниме
советские
книжки

ВИКТОР ВИТКОВИЧ
ГРИГОРИЙ ЯГДФЕЛЬД

Сказка
о малярной
кисти

1

Его заперли на ключ. Заперли из-за ерунды, из-за какого-то вредного старичка.

Сначала всё было хорошо. Федя и его друг Мишка шли по весенней улице. Её мыли и красили к Первому мая, и она сверкала на солнце всеми цветами радуги. Федя уже успел свой правый рукав выкрасить синей краской, а левый — жёлтой. И на него уже успело свалиться ведро с извёсткой. И на парадной двери дома, которую так старательно покрасил дворник Варфоломей, Федя уже отпечатал всю свою пятерню, и она почти засохла и останется так до праздника Первого мая на тот год, когда Феде будет не семь лет, а восемь.

Федя и Мишка шли по улице. И всё было интересно!

Виткович, В., Ягдфельд, Г. Сказка о малярной кисти / В. Виткович, Г. Ягдфельд; худож. А. Власова. - М.: Энас-книга, 2015. - 93 с.: ил.

Двое в комбинезонах поливали из шланга дом краской. Половина дома была ещё серая, в пятнах, а половина уже жёлтая, почти золотая. Фёдя заметил, как под струёй краски исчезла надпись «Катка-ябеда», которую он написал углем. Но это ещё что!

Из-за угла выехала аварийная машина — удивительная, с площадкой на тонкой ножке. И какой-то долговязый дядя, стоя наверху, снимал с уличных проводов прошлогодние бумажные змеи и пожелтевшие голуби, сделанные из Катиной тетради по арифметике. Если так пойдёт дальше, то скоро никто не будет знать, что Фёдя тут живёт!

А внизу под полосатым зонтиком пыхтел каток, разглаживая полосы дымящегося асфальта. Фёдя сказал Мишке:

— Хорошо бы подложить под каток папины карманные часы и посмотреть, как они сплющатся и превратятся в большие стенные часы!

Но тут долговязый дядя с аварийной машины выронил змей; он упал на свежий асфальт, и каток наехал на змея, навсегда впечатав его в мостовую.

Фёдя подтолкнул Мишку локтем. Без слов поняв друг друга, мальчики подбежали к катку и с радостными криками стали прыгать вокруг змея, оставляя следы на на мягком асфальте.

Мастер возмущённо привстал под зонтом, а Мишка с Фёдей удрали. Они остановились ещё у ведра с зелёной краской. Нагнувшись и сталкиваясь головами, мальчики гримасничали: на них смотрели из ведра зелёные страшилища. Это быстро надоело обоим, и они поглядели кругом — что бы ещё предпринять. Фёдя придумал — нарисовал себе зелёные усы, а Мишка сунул палец в ведро с жёлтой краской и сделал себе веснушки.

Некоторое время приятели опять чинно шли по улице. Вокруг суетились рабочие — везли в тачках извёстку, несли и подвешивали новенькие водосточные трубы неестественно белого цвета. Фёдя погудел в одну трубу, но повиснуть на ней не удалось. Мальчики шли... И вдруг остановились, как вкопанные.

Перед их забором — новеньким, только что покрашенным — важно стоял управдом с чёрной бородой, торчавшей вперёд, и дворник

Варфоломей с метлой и бляхой, сиявшей на груди. Их снимал фотограф из «Вечерней Москвы». Он то отскакивал и прищуривался, глядя в глазок аппарата, то поворачивал управдома и, наконец, замер, готовясь священнодействовать. Мальчики поняли, что не могут не сняться с управдомом и дворником, подбежали и встали впереди: один — с зелёными усами, другой — с нарисованными веснушками. Дворник Варфоломей погнал их метлой. Разочарованные, они побежали дальше.

Так они добрались до своей парадной двери — той самой, где сохла Федина пятерня, — и опять застыли на месте: перед ним стояло еще одно ведро с краской, и из него торчали две чудные малярные кисти, за которыми никто не смотрел. Вверх уходили верёвки;

мальчики задрали головы: на недосягаемой высоте качался в люльке хозяин кистей — маляр, но он красил лепной карниз под крышей и вниз не глядел.

Тут из парадной вышла девочка Люся; у неё было белое нарядное платье и на голове, будто бабочка, капроновый бант. Чтоб не измазаться краской, она шла так осторожно, как только могла. При виде девочки мальчиков охватила жажда подвигов.

Выхватив кисти из ведра, они начали яростно фехтовать, оставляя на штанах и рубашках малиновые пятна. Брызги полетели во все стороны. Девочка со страхом отступила на шаг и сказала:

— Здравствуйте, мальчики!

Федя и Мишка картинно облокотились на кисти и поглядели на Люсю.

— Нарисовать ей усы? — спросил Федя у Мишки.

— Не надо... — дрожащим голосом сказала Люся.

— Надо, — сказал Федя.

Окунув кисти в ведро, мальчики обежали вокруг Люси, отрезав ей путь к отступлению.

— Тоби-Лоби-Кукунор! — почему-то закричали они и бросились к девочке.

Люся испуганно попятилась и села в ведро с краской. Мишка и Фёдя попадали от смеха. А Люся встала — её платье было наполовину белым, наполовину малиновым, — заплакала и побежала домой.

— Бабушка Лида её убьёт, — сказал Мишка.

— Убьёт, — согласился Фёдя.

— Пошли, поглядим, — деловито сказал Мишка; и мальчики помчались во двор.

По пожарной лестнице они ловко добрались до окна, где жили бабушка Лида и внучка Люся, высунули носы над подоконником и увидели, как Люся вошла в комнату, а бабушка всплеснула руками.

— Сейчас ка-ак даст! — прошептал Мишка. Но бабушка сокрушённо рассматривала всхлипывающую Люсю, и Фёдя почувствовал нестерпимые угрызения совести.

— Бабушка Лида, эти мы! Мы виноваты! Это не она! — крикнул он.

Бабушка Лида подошла к окну, надела очки и внимательно посмотрела на мальчиков.

— Это мы виноваты... — повторил Фёдя.

Порывшись в кармане, бабушка протянула Мишке и Фёде по конфете.

— Не огорчайтесь, мальчики, — сказала она.

Жуя конфеты и не глядя друг на друга, пристыжённые, приятели спустились вниз. Когда они вышли на улицу, у них, несмотря на нарисованные усы и веснушки, были просветлённые лица.

— Давай сделаем доброе дело, — сказал Фёдя.

— Давай, — сказал Мишка.

Они посмотрели на маленький деревянный домик, чудом уцелевший между двух каменных великанов. Он весь покосился, и на нём можно было ещё прочесть полустёртые слова надписи с буквой ять: «Братья Суровы. Надгробные металлические венки, стенные часы и будильники».

Держа кисти в руках, мальчики перебежали

через улицу к домику и по ступенькам, которые пищали под ногами, поднялись на второй этаж к обитой войлоком двери: на ней поблёскивали гвозди с медными шляпками. Из-под ног метнулся чёрный кот и скрылся в окошке.

Мальчики постучались. Дверь открыл старичок, недовольно моргая глазами.

— Дяденька, — с чувством сказал Мишка. — Мы вам покрасим крыльцо! К празднику. Покрасить?

— Бесплатно, — добавил Фёдя, откашлявшись.

— Что? — не понял старичок.

— Крыльцо... — сказал Мишка.

— Покрасим... — добавил Фёдя.

Старичок сначала внимательно на них посмотрел, потом с необычайным проворством схватил Фёдю за ухо:

— Вот я вам покажу хулиганить!

Он хотел схватить и Мишку, но тот увернулся. Фёдя пытался вырваться, однако старичок цепко держал его пальцами за ухо

и повёл вниз по лестнице, потом через улицу. Подобрал Федину кисть. Мишка шёл сзади старичка, канюча:

— Дяденька,пусти его!.. Дяденька, он больше не будет!..

Это не действовало: тогда Мишка угрожающе заорал:

— Тоби-Лоби-Кукунор!

Но старичок не испугался, а только проворчал:

— Что ещё за абракадабра!..

— Сам ты Абракадабр! — крикнул Мишка, отбежав на почтительное расстояние.

А старичок повёл Фёдю домой; удивительно, — откуда он только знал, где Фёдя живёт! Впрочем, как вы убедитесь дальше, он знал не только это. Он позвонил.

Катя, сестра Феди, как раз сидела дома и зубрила озёра Африки: «Виктория, Ньяса, Танганьика...» Услышав звонок, Катя заложила книгу пальцем и пошла к двери, бормоча на ходу: «Бангвеоло, Мверу, Зван, Чад...» — открыла дверь и увидела старичка, который держал за ухо Фёдю — с зелёными

усами, разрисованного с ног до головы. Фёдя жалостно моргал.

— Он испортил моё крыльцо! Хулиган! — злобно сказал старичок.

— А вы злой Абракадабр! — крикнул Фёдя. — Вот вы кто! Я ничего не портил...

Но Катя сказала « Большое спасибо! Извините...» — и втащила Фёдю в переднюю.

— Абракадабр! Абракадабр! — кричал Фёдя, извиваясь в её руках и стараясь показать старичку язык. — Злой Абракадабр!..

— Вот за это самое будешь сидеть дома, пока

не придёт папа! — сказала Катя, захлопнула дверь и опять взялась за географию. — Танганьика, Бангвеоло, Мверу, Зван, Чад...

Подбежав к окну, Фёдя высунулся, увидел внизу старичка и завопил:

— Абракадабр!.. Проклятый Абракадабр!..

Катя сперва заткнула уши, потом закрыла географию, сказала:

— Пойду учить Африку к Люде Беловой...

Подняла нос выше своих голубых глаз, закрыла Фёдю ключом на два оборота и побежала вниз по лестнице.

2

Сперва Фёдя поплёлся в ванную, — постоял перед зеркалом, гримасничая, потом тяжело вздохнул и смыл усы. Переодев штаны, он вошёл в столовую, походил и от нечего делать включил радиолу «Мир». Зелёный глаз загорелся, и диктор сказал: «...Они хотят ядерной бомбой стереть с лица земли всё живое, хотят уничтожить города и селения. Но человечество не допустит этого! Оно...» Фёдя повернул колесико управления — раздались такие свисты и хрипы, что Фёдя рассердился и выключил радиолу.

— «Злой Абракадабр...» — пробормотал он. Что бы ещё предпринять? Фёдя вскочил на диван и пошёл по пружинам, но за окном слышались знакомые голоса. Фёдя кинулся к окну и высунулся.

— Фёдька! — раздался снизу крик. — Давай сюда!

Это Мишка, сияя, нёс резиновую кишку за дворником Варфоломеем. Сейчас они будут поливать улицу. Без него! Фёдя мрачно отвернулся и крикнул:

— Я занят!

На его счастье и на зависть Мишке, по карнизу этажом ниже шла кошка, отряхивая лапки от ещё не высохшей краски. Фёдя сейчас же спустил ей на верёвке бумажку. Но тут из окна выглянула тётя Липа. Бумажка хлопнула её по носу. И тётя Липа, посмотрев наверх, подняла крик, перечисляя преступления Фёди за неделю.

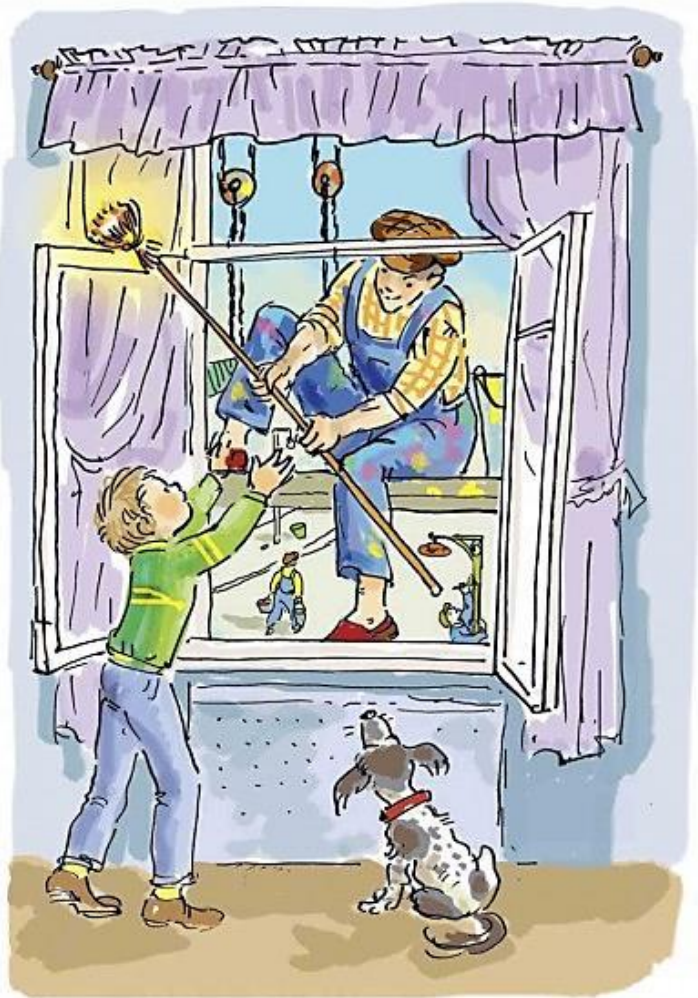
— Нет житья от этого мальчишки! — кричала она. — Вчера он высадил окно мячиком! А позавчера его химический карандаш упал в

кастрюлю с окрошкой! А позавчера, — кричала она, — его мыльный пузырь влетел в рот мужу, спавшему на диване! А позавчера...

— Я не хотел... — сказал Фёдя и зевнул.

От крика тётя Липы у него всегда стоял звон в ушах, его клонило ко сну. Будто сквозь туман, Фёдя слышал, как она кричала ещё что-то. Он смотрел слипающимися глазами и видел, как в соседнем квартале развешивали красные флаги и на перекрёстке укрепляли репродуктор, похожий на огромный колпак, и далеко-далеко на высотном доме поднимали какой-то пёстрый плакат. И всюду, куда ни глянь, белели бумажки: «Осторожно — окрашено», и всюду стояли синие, жёлтые, лиловые вёдра с краской...

Вдруг во всех домах в квартирах, на всех вокзалах и башнях часы начали бить двенадцать. И загудели фабричные гудки. И сразу же за окном сверху показались чьи-то ноги в тапочках. Это, покачиваясь в люльке, спускался маляр — тот самый, который красил лепной карниз под крышей.

Спецовка маляра была вся в разноцветных пятнах. Он держал в руке золотую кисть, а в его ведре тяжёлыми волнами ходила масляная золотая краска.

— Кто вы такой? — спросил Фёдя.

— Я? — усмехнулся маляр. — Странный вопрос. Волшебник.

— А вот и нет! — сказал Фёдя.

— А вот и да! — сказал маляр и посмотрел на Фёдю весёлыми глазами.

— Разве волшебники ещё есть? — удивился Фёдя.

— Есть, — сказал маляр. — Во сне и в сказке.

— А сейчас что — сон или сказка?

— Сказка, — подумав, сказал маляр. — Но, на всякий случай, не просыпайся.

Он поднял золотую кисть. От неё, как молнии, забили лучи. И вся комната закружилась, поплыла в вихре солнечных бликов.

— Вот! — сказал маляр, протягивая кисть мальчику. — Оставляю её тебе на целый час.

— До конца обеденного перерыва? — спросил Фёдя, не смея поверить.

— Да, — кивнул маляр и таинственно наклонился к мальчику. — Только имей в виду: эту кисть нельзя давать никому. Слышишь? Её хочет украсть злой волшебник Абракадабр.

— Украсть? — прошептал Фёдя.

— Да. Это волшебная кисть! Если ты скажешь ей: «Кисть, а кисть, хочу то, хочу это», — она нарисует всё, что скажешь. И то, что она нарисует, оживёт, сделается настоящим.

— Честное слово? — спросил Фёдя.

— Честное слово, — сказал маляр.

Его деревянная люлька покачивалась на тросах между комнатой Фёди и солнцем, и от этого комната то вспыхивала, как шкатулка с драгоценными камнями, то погружалась в полумрак.

— Слушай дальше, — сказал маляр. — Злые волшебники хотят стереть с лица земли всю нашу улицу, весь наш праздник.

— Чем стереть? — спросил Фёдя. — Резинкой?

— Ну, резинкой, — сказал маляр. — Только, понимаешь, особой резинкой, волшебной, которой можно стереть всё, даже тебя.

Фёдя хотел спросить ещё что-то, но маляр

сказал:

— Больше я тебе не скажу ничего.

И его люлька словно провалилась. А кисть осталась в руках у Фёди. Золотая, волшебная кисть! Никто этого не заметил. Только внизу, в слуховом окне старого деревянного домика, тот самый старичок не мигая смотрел вверх глазами круглыми, как у совы.

3

Там, внизу, рядом с крыльцом — как раз тем, которое Фёдя хотел покрасить, теперь висела вывеска: «Мастерская дырок». И под ней на стене было написано: «Могу в любом предмете проделать дыру любой величины».

С дьявольской улыбкой старичок скрылся в глубине своего чердака, где плавал какой-то неясный полумрак; в пыльных полосах слабого света поблёскивала паутина, и на полу валялись дырявые вёдра, кастрюли без ручек, погнутые велосипедные колёса и старое железо, рыжее и лохматое от ржавчины. А сверху из балки торчал серебряный позеленевший крюк. Если бы вы знали, для чего этот крюк, вы бы ахнули! Но об этом дальше.

Сев на низенькую скамеечку, старичок принялся за работу. Возле него шныряли мокрицы, похожие на маленькие платяные щётки. Огромной резинкой, на которой, очевидно для отвода глаз, был нарисован заяц, Абракадабр протирал дыры в железных болтах, садовых лейках и других предметах по желанию заказчиков. А его резинка зловеще гудела, как бормашина зубного врача.

На батарее центрального отопления сидел чёрный кот, следя за каждым движением Абракадабра. Вдруг кот подскочил, его шерсть поднялась дыбом, глаза загорелись — один красным, другой зелёным огнём, — а от взъерошенного хвоста полетели искры. Так случалось всегда, когда на улице раздавался гудок одного странного автомобиля. Это был гудок такой тонкий, что ухо человека не могло его уловить.

Абракадабр быстро опустил на слуховом окне жалюзи, потом шторы, потом занавески. В мастерской стало темно. Тогда, схватив кота за шиворот и освещая им дорогу, как фонарём, старичок открыл дверь.

На пороге стоял тот, кого он ждал. На

пришедшем был серый костюм, серые туфли, серая сорочка, серый галстук. У него были серые глаза и серые волосы. Он держал в руках серую трость. Это было удобно. Он мог легко исчезнуть в пыли, в сумерках или тумане. В будни он был незаметен. И только на этой улице, где всё сверкало разноцветными красками, ему приходилось опасаться, что его увидят. Поэтому он не вошёл, а вбежал.

Когда старичок закрыл дверь на крючки и засовы, гость заговорил.
— Ну-с? — спросил он.

В королевстве злых волшебников все знали: когда человек в сером говорит «ну-с», это значит, что их часы и даже минуты сочтены. Его звали Большой Ушан, и он был посланником великого короля. Самые могучие волшебники, услышав его «ну-с», тряслись от ужаса и становились сморщенными, похожими на грибы. Но Абракадабр почему-то не испугался. Это удивило Большого Ушана, и он повторил немного громче:

— Ну-с?

А его глаза стали как две дробины.

Он продолжал:

— Его величество король Вампир Дважды-два-пятьй повелел: завтра, Первого мая, ровно в семь утра стереть волшебной резинкой всю эту улицу, весь этот праздник! Час назначен! Но мы не можем начать нашу великую миссию стирания, пока у них в руках волшебная кисть! Иначе то, что мы сотрём, они нарисуют опять. Из-за вас срывается всё. Ну-с?

Вместо ответа Абракадабр молча открыл чулан и, держа кота в руке, поднял его как фонарь. Красный и зелёный лучи скользнули в глубь чулана, где по углам сидели пауки-крестовики и, вися вниз головами, спали маленькие летучие мыши — нетопыри. Посреди чулана Большой Ушан увидел кисти — целый склад кистей разных размеров: малярные, ученические, кисти для художников и даже кисточки для бритья. Все они были похищены Абракадабром в поисках волшебной.

Большой Ушан раздражённо сказал:

— Что толку? Столько кистей, и всё не те...

— Есть и та, — сказал таинственно Абракадабр. — Я нашёл её. Она сейчас хранится на пятом этаже у одного мальчика.

— Вот как? — бесстрастно сказал Большой Ушан.

Он извлёк из жилетного кармана крошечный радиопередатчик и начал передавать:

«Великому королю Вампиру Дважды-два-пятому! Особо секретно! Волшебная кисть обнаружена!»

Спрятав передатчик в кармашек, Большой Ушан деловито спросил:

— Кого нужно устранить? Папу? Маму? Дворника?

— Никого, — сказал Абракадабр. — Мальчишка дома один. К тому же он заперт. А дворник... Мой кот перебежит дорогу всякому, кто вздумает помешать. Его этому обучили маги ещё четыреста лет назад.

— А он не забыл это искусство? — осведомился Большой Ушан.

Старичок молча открыл занавеску, штору, жалюзи и что-то шепнул коту, показывая на приближающуюся легковую машину. Чёрный кот выскочил в окно, перебежал машине дорогу, и у неё сразу лопнул баллон.

Увидев это, Большой Ушан удовлетворённо потянулся и зевнул, раскрыв свой громадный рот до ушей. Абракадабр любезным жестом указал на серебряный крюк. Гость подпрыгнул, перевернулся в воздухе, зацепился носками ботинок за крюк и повис. Теперь вам ясно, что

крюк на самом деле был не крюк, а диван. С завистью поглядев на гостя. Абракадабр тоже подпрыгнул, перевернулся и уцепился за какой-то неудобный гвоздь в балке.

— Уф! — облегчённо вздохнул Большой Ушан. — Приятно после этого дурацкого хождения среди верхоголовых вытянуться как следует!

«Молнии» на его сером плаще бесшумно раскрылись, обнаружив крылья с перепонками. А крылья Абракадабра выпали из его горба, словно из парашютного мешка. И оба волшебника, вися вверх ногами, окутали крыльями свои туловища и головы.

Пока они висят и отдыхают, а из репродуктора в углу несётся приглушённый рок-н-ролл, мы расскажем про злое королевство.

4

Королевство рукокрылых волшебников, строго говоря, не имело границ. Его базы были рассыпаны по всему миру. Волшебники жили в развалинах разрушенных замков и крепостей, в остатках водонапорных башен и обсерваторий, взорванных во время столетних и четырёхлетних войн. Те же, кому не хватало развалин, ютились под обшивкой окон и на чердаках.

Больше всего волшебники ненавидели свет. Если бы у них хватило умения, они погрузили бы весь мир в сумерки. Когда их королю приходилось вылетать днём по какому-нибудь неотложному делу, вокруг него поднимались в воздух тысячи подданных, закрывая крыльями солнце.

Вампир Дважды-два-пятый был самым мрачным из королей и всё время ворчал, что его подданным не хватает удобных развалин. Он любил говорить: «Нужно иметь сто тысяч развалин, чтобы каждого обеспечить приличным тёмным углом». Но люди красили и строили чем дальше, тем быстрее, развалин становилось всё меньше, и рукокрылые из-за тесноты кусались и грызлись.

Чаша терпения Вампира Дважды-два-пятого переполнилась, когда ему донесли, что какой-то радиолюбитель-коротковолновик с Фединой улицы поймал и записал на магнитофон его королевскую речь. И хотя радиолюбитель подумал, что это атмосферные разряды, король велел стереть Федину улицу волшебной резинкой.

Но прежде надо было украсть золотую кисть! Как раз в это время, благодаря усердию

доносителя № 3476504, король узнал, что его подданный Абракадабр осмелился произнести вслух запрещённые в королевстве слова: «ремонт» и «олифа». И Вампир Дважды-два-пятый повелел наказать виновного: изгнать из развалин на солнечный свет и поселить на Фединой улице, где ему придётся (невыносимое наказание!) ходить вверх головой до тех пор, пока найдётся волшебная кисть. А на случай, если Абракадабр попадётся, ему была вручена королевская отравленная игла. Стоило лишь уколотся иглой, и от Абракадабра осталась бы кучка пепла.

Живя среди людей целых два года, Абракадабр искал золотую кисть. И он возненавидел их. Он ненавидел их за то, что они не спят днём, а ночью зажигают огни, так что приходится прятать глаза за тёмными очками. Он ненавидел их детей за то, что они играли в шумные игры, и ему то и дело приходилось затыкать ушные перепонки. Он ненавидел всех жителей Фединой улицы за то, что у них всё было наоборот, и даже великое слово «злой» они произносили так, как будто это не хорошо, а плохо.

По ночам, когда все спали. Абракадабр мстил людям. Много плохого и таинственного

произошло за последние два года на Фединой улице. Все помнят, как однажды бесследно исчез гараж Ромашкина. Говорили, что его украли, и никто не мог даже представить себе, что его стёрли резинкой. А киоск с прохладительными водами, который вдруг куда-то девался прошлым летом, в самое жаркое время года! А пропавшая рыжая кошка с Фединой лестницы, которую кормили на всех этажах!

Знай, читатель, что и киоск, и кошка, и даже то, что ты потерял неизвестно когда и где, — всё это стёр ночью Абракадабр волшебной резинкой.

Чем дальше, тем Абракадабр делался злее. Ещё бы! Два года ходить вверх головой! Конечно, Абракадабр не выдержал бы такого страшного мучения, если бы не крюк, тот самый удобный, уютный крюк, на котором сейчас отдыхал посланник короля. Повисев немного, волшебники уже хотели перевернуться, как вдруг радиоприёмник захрипел и послышался писклявый голос королевского диктора:

— Слушайте манифест великого короля Вампира Дважды-два-пятого...

А потом раздался голос самого короля, очень похожий, на атмосферные разряды. Высунув

головы из-под крыльев, Большой Ушан и Абракадабр ловили каждое слово повелителя.

— ...Наступает исторический час! Волшебная кисть обнаружена!.. Конец великим бедствиям! Отныне развалины будут неприкосновенны!.. Можем ли мы забыть, как погиб наш королевский игорный дом без окон, куда мы летали играть в «свои козыри»?! Эта злодейская кисть превратила его в магазин игрушек!

Большой Ушан и Абракадабр многозначительно поглядели друг на друга.

— ...Ещё одно, последнее усилие, и кисть будет в наших руках! Тогда мы сотрём волшебной резинкой дом, где обнаружена кисть! И сотрём улицу, на которой стоит этот дом! И сотрём даже память о ней! Вперёд, к полному мраку!

Радиоприёмник замолчал. Волшебники перевернулись на ноги. Большой Ушан сухо сказал:

— Не теряйте времени!

— Успею! — сказал Абракадабр. — Ещё целых пятьдесят минут кисть будет у

мальчика.

— Пятьдесят! — вскричал Большой Ушан. — Пока вы мне это сказали, осталось сорок девять! А пока я вам ответил, осталось сорок восемь.

— Вы не так считаете, — сказал Абракадабр. — Ведь во сне время считают не так: во сне можно в одну секунду прожить целую жизнь. Натягивая на руку серую перчатку. Большой Ушан насмешливо улыбнулся.

— Вы думаете, что мы снимся? У меня совсем другая точка зрения.

Сказав это, он вдел в петлицу своего серого пиджака синюю ленточку, чтобы не слишком выделяться на улице, сбегал вниз по лестнице, сел в машину и захлопнул дверцу.

Его машина была точно такого же цвета, как и он сам. На сером радиаторе была укреплена головой вниз серая летучая мышь из стали. А сбоку развевался флажок королевства; на нём герб — два маленьких совершенно чёрных сердца, и между ними головой вверх, головой вниз дама пик. Король Вампир Дважды-два-пять, как и все злые волшебники, любил играть в карты, — вот почему у него был такой герб.

Проводив Большого Ушана, Абракадабр торопливо повесил на двери мастерской табличку «Закрывается на обед», сунул кота в карман, надел тёмные очки, взял костыли и, прикинувшись инвалидом, вышел. Отчаянно хромя, он направился прямо к Фединому дому.

5

Возле парадной двери поливал улицу дворник Варфоломей. На его белом фартуке сияла бляха. Это был знаменитый дворник. Каждый год он получал премии за то, что ни одна капля воды из его резиновой кишки не попадала ни на одну туфлю ни одного прохожего, даже в часы пик.

Варфоломей подозрительно покосился на старичка. Заметив это, старичок наклонился, будто у него развязался на ботинке шнурок: ему, чтобы подумать о чём-нибудь, всегда приходилось опускать голову вниз, а то у него затекали мозги. Подумав, волшебник незаметно выпустил из кармана кота.

Кот уже собрался распушить хвост и перебежать дорогу Варфоломею, как произошло новое событие. Ах, эти новые

события! Как они меняют в жизни всё то, что шло гладко, тихо, спокойно и никому не мешало! На этот раз таким событием оказался Тузик, выскочивший из подворотни.

Несмотря на заурядную внешность, Тузик обладал храбростью овчарки, хитростью таксы, стремительностью борзой, чутьём легавой, мёртвой хваткой бульдога и добрым сердцем русской дворняжки. Он и был обыкновенной дворняжкой. И ещё одним свойством обладал Тузик: он сразу отличал хорошего человека от плохого, и если уж лаял на кого-нибудь, можно было поспорить на порцию мороженого — этот человек задумал нехорошее дело.

Увидев Тузика, кот выгнул спину и зашипел, как сковорода. Это могло нагнать страх на кого угодно. Но Тузик не испугался. С громким лаем он бросился на кота.

Василий был волшебным котом, и ему, конечно, ничего не стоило бы надавать собаке таких острых пощёчин, что она с визгом удрала бы в подворотню. Однако дело происходило на улице, где, как известно, неблагоприятно обнаруживать свою принадлежность к волшебному миру. Вот почему кот помчался от

собаки, целиком доверившись быстроте своих ног. И мы можем вас заверить — он поступил правильно. Тузик был псом, который не побоялся бы и самого чёрта, если бы тот неожиданно выскочил из водосточной трубы. Спасаясь от Тузика, чёрный Вася три раза обежал вокруг Абракадабра и прыгнул ему в карман. А Тузик, покосившись на костыли инвалида, что-то проворчал и удалился.

Подумать только! Кот перебежал дорогу самому Абракадабру! Хмурясь, старичок двинулся дальше, но сейчас же попятился, — перед ним был впечатан в асфальт воздушный змей.

«Ещё дурной знак...» — подумал Абракадабр, осторожно обогнул змея, прошёл мимо детской пятерни, отпечатанной на парадной двери (это тоже показалось ему дурным знаком), вошёл в лифт и нажал кнопку.

Лифт поднимался медленно, как ртуть в градуснике. Сквозь цветные стёкла лестницы светило солнце, и Абракадабр недовольно морщился, когда по его лицу проплывали красные, синие и жёлтые треугольники света. Вдруг между четвертым и пятым этажами лифт застрял.

— О зловреднейший из котов! — прошипел Абракадабр себе в карман. — Разве я учил тебя перебегать дорогу мне?!

Нажав в лифте на все кнопки по очереди и не добившись ничего, Абракадабр решил прибегнуть к помощи магических заклинаний. Но лифт был выпущен заводом «Красная заря», и в технической инструкции к лифту волшебные заклинания не были предусмотрены. А лифтёр ушёл на обеденный перерыв.

Напрасно волшебник стучал, кричал и тряс решётку лифта — никто его не слышал.

6

Пока злой волшебник Абракадабр сидит в лифте, мы расскажем, что делал Фёдя с золотой кистью.

Взяв её из рук доброго волшебника-маляра, мальчик затаив дыхание смотрел на кисть и не мог насмотреться. Каждый её волосок горел золотым огнём! А какой от неё шёл запах!

Самый лучший на свете! Расхрабрившись, Фёдя

попробовал даже сказать: «Кисть, а кисть, хочу...» — но дальше у него не хватило духу. Чего он боялся? Он не мог себе объяснить. Но мы-то знаем: если бы кисть на самом деле оказалась волшебной, Фёдя бы умер от страха. Ведь ему исполнилось только семь лет, и он был в квартире один! Ну а если бы кисть его обманула, это было бы для него ещё большим ударом. Вот почему, подержав кисть в руках, Фёдя поставил её в угол. Но глаз с неё не спускал.

«Хоть бы кто-нибудь пришёл... — думал Фёдя. — Пусть даже Катя! Я бы тогда...» А что бы тогда? Он представил себе перочинный ножик с двадцатью четырьмя предметами и от этой заманчивой мысли проглотил слюну.

Подойдя к кисти, мальчик зачем-то осторожно переставил её в другой угол. Когда он её нёс, ему показалось, что кисть сама сделала какое-то движение. Всё же Фёдя донёс её и только потом отёрнул руку, будто обжёгся. Ему захотелось плакать от страха. Но тут раздался звонок.

— Кто там?! — закричал Фёдя не своим голосом и побежал к дверям.

— Чего орёшь? — раздался солидный голос Мишки. — Давай открывай!

— Мишка! — задыхаясь от радости, заорал Фёдя. — А что у меня есть! Отгадай!

— Лобзик, — сказал Мишка, который не обладал пылким воображением. — Только, наверное, без пилки. Ты откроешь или нет?!

Разве Фёдя мог сознаться кому-нибудь, а особенно Мишке, что его заперли? Конечно, нет! Он уже хотел соврать, что ключ утащила ворона, но тут его осенила блестящая мысль.

— Сейчас открою! — закричал он. — Только, смотри, не уходи! Не уйдёшь?

Помчавшись в комнату, Фёдя схватил кисть, подбежал к входной двери, ткнул конец кисти в замочную скважину, зажмурил глаза и прошептал:

— Кисть, а кисть... хочу... — у него от волнения перехватило горло, но он всё же сумел договорить — ...ключ!

И вдруг золотая кисть в его руке дрогнула, затрепетала и начала — поверите ли! — сама начала прямо на двери, около замочной скважины, рисовать ключ, выводя каждую

бородку, каждую выемку, каждую загогулилку. И странное дело! Когда Фёдя смотрел на это, ему нисколько не было страшно. Наоборот, хотелось петь и плясать от радости, как будто это он сам был волшебник. Но вот кисть опять вздрогнула и остановилась. И тут случилось то, чего ни Фёдя, ни вы никогда не видали, а мы отказываемся объяснять. Нарисованный ключ стал пухнуть, сделался круглым и упал на пол с металлическим стуком.

Не помня себя от восторга, Фёдя схватил ключ и открыл дверь. Мишка, тоже уже умытый и переодевшийся, вошёл и сказал скучным голосом (он ведь ещё ничего не знал про волшебную кисть):

— Там кто-то застрял в лифте. Позвони управдому!

Встав на цыпочки и потянувшись вверх, Мишка нацепил на крюк новенькую школьную фуражку с гербом.

— Где достал кисть? — спросил он.

— Мишка! Что бы ты хотел иметь?! — сказал Фёдя, охрипнув от волнения.

— Тройку, — сказал тот, не задумавшись, — по арифметике.

Он был на год старше Фёди и уже учился в первом классе...

— Я не про то, — сказал Фёдя, небрежно играя кистью. — Мотоцикл хочешь?

— Из чего сделаем? — деловито спросил Мишка.

— Настоящий! — завопил Фёдя, сияя от счастья.

— Не ври, — сказал Мишка.

Фёдя направил конец золотой кисти на стену и начал торжественно.

— Кисть, а кисть...

Но сказать «хочу» уже не успел. Как назло, вошла его сестра Катя, вернувшаяся от Людды Беловой. Катя носила свой нос очень высоко. Иногда он поднимался выше её голубых глаз. Она всегда всё знала и, о чём бы ни зашла речь, говорила: «Отсюда вывод...»

Катя сразу подняла крик:

— Почему дверь открыта? Где ты достал ключ, скверный мальчишка?!

— Отстань, — сказал Фёдя и, показав кисть, добавил: — Я его нарисовал.

— Нарисовал? — сказала она злорадно. — Вот папа придёт, я ему скажу — он тебе нарисует. Ты у кого взял кисть?

— Катя, — сказал Фёдя. — Эта кисть волшебная! — Он приложил руку к сердцу. — Честное слово!

Но Кате было уже десять, она ходила в четвёртый класс и не верила в сказки.

— Не говори глупости! — сказала она, сняла телефонную трубку и начала набирать номер домовой конторы. Она хотела сообщить, что застрял лифт с каким-то старичком.

«Ах, так! — подумал Фёдя. — Ну, хорошо же...» Он направил конец золотой кисти на пол, вспомнил любимое Катино пирожное и сказал звенящим от вдохновения голосом:

— Кисть, а кисть, хочу корзиночку с кремом!

Волшебная кисть, как и в тот раз, вздрогнула в его руке и начала рисовать прямо на паркете, между ножкой от стола и упавшим папиным галстуком, пирожное. Оно тоже, как и ключ, росло, росло, пухло, пока не превратилось в обыкновенную корзиночку с кремом, и от него пахло ванилью.

Федя испытывал настоящее счастье, увидев, что Мишка, который никогда ничему не удивлялся, разинул рот и так с открытым ртом и остался. А Катя, хотя в домовую контору ещё не дозвонилась, будто зачарованная, положила трубку куда-то на стол и опустилась на колени. Она сперва понюхала корзиночку, потом посмотрела на Федю, на кисть, деловито поправила пионерский галстук и лизнула крем. Федя ждал. Ему для полноты счастья нужно было, чтобы Катя испустила хоть крошечный крик восторга. Но она взяла пирожное, поднялась, стряхнула пыль с коленок и сказала, вздёрнув нос:

— Подумаешь! Вот у нас в школе Серафима Алексеевна опустила в воду белую бумажку, а вытащила красную! — И, повертев пирожное, начала есть.

Федя хотел дёрнуть Катю за косу, но раздумал. А Мишка, глядя, как девочка уплетает пирожное, нерешительно сказал:

— Знаешь, Федя, я больше люблю «Мишку на севере».

— Кисть, а кисть, — сказал с готовностью Федя, — хочу «Мишку на севере»! Пять штук!

Кисть тотчас же исполнила приказание: на полу оказались конфеты в зелёных бумажках с картинками. Целых пять штук!

Развернув бумажку, Мишка вынул конфету и так осторожно положил её в рот, будто она могла взорваться.

— Ерунда! — сказала Катя, доедая пирожное и забирая три конфеты. — В шестом классе Серафима Алексеевна электрическую машину показывала, так от головы у всех такие искры летели... Спросите у девочек, даже волосы вставали дыбом!

— Да что с ней разговаривать! — вдруг взорвался Мишка. — Уходи отсюда!

— Очень надо! — сказала Катя. — Только ничего не разбрасывать! Убирай за вами! — И, подняв нос, удалилась готовить уроки.

Когда приятели остались одни, Федя рассказал Мишке про злого волшебника, и про резинку, и про всё, что знал сам. И мальчики решили действовать.

— Чур, первый! — сказал Мишка.

— Чур, второй! — сказал Федя.

Мишка внимательно осмотрел кисть, как бы желая вникнуть в её устройство; но, не обнаружив ничего особенного, солидно откашлялся и сказал:

— Кисть, а кисть, хочу плотницкую пилу!

Кисть не заставила себя ждать: в руках Мишки она работала не хуже, чем у Феди. Подняв с пола пилу, Мишка провёл пальцем по зубьям, удовлетворённо крикнул и остановил взгляд на ножке дубового кресла. Пила легко вошла в дерево.

— Ты что? Ты что?! — заорал Федя. — Мама тебе задаст!

Теперь взял в руки кисть он. Чего бы пожелать?

— А что, если мокасины, как у Монтигомо Ястребиного Когтя?

— Да ну их! — сказал Мишка.

Но, едва мокасины появились на свет, он с большим интересом их осмотрел, в особенности подмётки.

Не прошло и пяти минут, как комнату было не узнать. На столе, стульях, диване, на полу

лежали пушки, стреляющие горохом, лупа величиной с тарелку, мячи для всех игр, какие только есть на свете, тот самый перочинный ножик с двадцатью четырьмя предметами, полный головной убор вождя племени ирокезов, рубанок, шкура белого медведя, резиновая надувная лодка, оловянные солдатики тридцати шести армий мира, клетки для кроликов, фотоаппарат «Пионер», собрание сочинений Корнея Чуковского, гигантские рогатки, водолазный костюм и три банки с настоящим жемчужным порохом.

Всё это было запутано удочками, лесками и крючками, которые вцепились во что можно было вцепиться. Сидя среди всего этого и многого другого, что было бы слишком долго перечислять, мальчики лениво жевали тянучки, с трудом разжимая челюсти, едва отрывая верхнюю от нижней. Их мучило оттого, что после арбуза они пили кокосовое молоко, заедая его жареными ласточкиными гнёздами с квасом. Они думали, — чего бы ещё пожелать? У Мишки на голове был надет набекрень водолазный скафандр.

— Правда, хорошо? — неуверенно сказал Федя.

— Угу, — кивнул Мишка, но счастья в его голосе

не было. — Скучно... — вдруг сказал он и с грохотом сбросил скафандр на пол.

Федя хотел накинуться на неблагодарного друга, но неожиданно зевнул и сказал:

— Всё время было так хорошо... и вдруг скучно... Отчего?

Мишка промолчал. Он бы и не мог на это ответить. Но мы-то знаем в чем дело. И, словно догадавшись, Мишка сказал:

— Почему всегда хочется чего нет? Почему это? А когда всё есть... — и он снова зевнул.

Мальчики помолчали, стараясь не смотреть друг на друга.

— Вот что, — сказал Мишка. — Бери кисть, и пошли!

— Куда? — лениво спросил Федя.

— Во двор.

Но, прежде чем выйти во двор, нужно пройти лестницу, а на лестнице в лифте сидел злой волшебник. Что же делал в лифте Абракадабр? Он проклинал себя, что не захватил с собой резинку. Ведь так просто было бы протереть дыру в лифте и сквозь неё выйти! А этой девчонке, которая ему обещала помочь, а потом позабыла про него, он стёр бы косички! Да, да, стёр бы вместе с головой! И того

мальчишку стёр бы с его гербом и фуражкой! В груди Абракадабра кипела ярость. И он даже не мог бегать из угла в угол, потому что углы лифта были рядом.

«Ну и королевство! — горестно думал Абракадабр. — Если верить сказкам, оно было когда-то могущественным и обладало многими тайнами: там были разные волшебные лампы, скатерти, палочки, кольца — и всё это куда-то девалось! Разокрали, что ли? Осталась какая-то несчастная резинка, чёрный кот да два десятка заклинаний! И это называется королевством!..»

Не успел Абракадабр так подумать, как мимо пронеслись по перилам двое мальчиков, сверкнув золотой кистью.

— Стой!

Это крикнул Мишка, соскакивая с перил на четвёртом этаже.

— Совсем забыл! — сказал он Феде.

Мальчики поднялись назад на пол-этажа, к старичку. Тот встал на коленки, чтобы видеть мальчиков, и, глядя на кисть, сказал, сладко улыбаясь:

— Здравствуйте, детки!

— Здравствуйте, — вежливо сказал Фёдя.

— Виделись, — сказал Мишка.

— Что же ты, мальчик, забыл про бедного старичка?

Абракадабр говорил с Мишей, но видел только золотую кисть, её одну, и так вцепился в решётку лифта, что прищемил кота. Кот заорал дурным голосом и вылетел из кармана вверх, как чёрная ракета. Мальчики отшатнулись.

— Вась... Вась... Вась... — сказал старичок и взял кота в руки. — Хороший у меня котик?

— Хороший, — сказал Фёдя. — Сейчас мы вас выпустим. — Он обернулся к кисти. — Кисть, а кисть... Что надо захотеть? — спросил он Мишку. — Ключ?

Мишка покачал головой:

— Раз лифт застрял между этажами, ключ не откроет.

«Может быть, сделать новый лифт? — подумал Фёдя и ответил себе: — Но он-то сидит в старом!»

Жалобно моргая, Абракадабр захныкал:

— Я кушать хочу!.. Я проголодался...

Федя велел кисти сделать пончик с вареньем. Когда кисть заработала, старичок так затрясся, что слышно было, как каждая его косточка ударялась о другую. Но этот звук был такой же тонкий, как гудок автомобиля Большого Ушана. Поэтому мальчики не слышали ничего. Зато собаки всего квартала услышали, как затрясся Абракадабр, и подняли такой лай, что сержант милиции, стоявший около домовой конторы, подумал: «Не забыть проверить, всем ли собакам сделаны прививки от чумы».

Федя просунул старичку сквозь решётку пончик. Абракадабр взял его и сказал, показывая умильно на кисть:

— Дай поддержать!

Федя колебался.

— Да ты не бойся, отдам! — сказал старичок. — У меня таких кистей целый чулан!

Мишка толкнул Федю локтем:

— Пошли!

— Ну, давайте меняться! — закричал старичок.

— Я вам кошечку, а вы мне кисточку!

— Нет, — сказал Мишка. — Кисточка не наша.

И мальчики стали спускаться по лестнице. Сбежав на несколько ступенек ниже застрявшего лифта, Федя встал, как вкопанный: на двери квартиры № 12, около почтового ящика, белели написанные мелом корявые буквы:

«Федя + Люся = Ха-ха-ха!»

Федя начал яростно стирать локтем надпись, сотрясая дверь. Дверь приоткрылась, высунулась Люся; теперь на ней был старый халатик. Увидев мальчиков с кистью, Люся ахнула и захлопнула дверь.

Посмотрев на Мишку, Федя вздохнул:

— Всё-таки нехорошо...

— Что не хорошо? — спросил Мишка.

— А платье... — сказал Федя и вдруг просиял. — Кисть, а кисть, — сказал он, — хочу платье! Красивое-прекрасивое!

Встав в лифте на четвереньки, чтоб лучше видеть, Абракадабр жадно смотрел, как действует кисть. Волшебная кисть рисовала на

стене Красивое-прекрасное платье — с оборками, рюшками и перламутровыми пуговицами. И когда платье было готово, оно упало со стенки на каменный пол.

Абракадабр в лифте застонал от желания скорее завладеть кистью, а мальчики, отряхнув платье, повесили его на почтовый ящик и позвонили в квартиру.

— Бежим во двор! — сказал Мишка.
Мальчики скатились по перилам и исчезли, хлопнув парадной дверью.

— Кто там? — крикнула Люся из-за своей двери тоненьким голосом.

Никто не отвечал. Люся осторожно открыла; на площадке никого не было. Только на почтовом ящике висело платье удивительной красоты.

— Это кому? — спросила Люся замирающим голосом у самой себя.

Стоя в лифте на четвереньках. Абракадабр громко ответил:

— Тебе. За то что ты хорошая девочка!

— Вы кто? Добрый волшебник? — спросила Люся.

— Очень добрый, — прорычал Абракадабр, скривясь так, будто у него болели зубы. — А теперь беги, скажи дворнику, что я застрял в лифте.

— Сейчас, сейчас... — Люся засуетилась, прижала к себе платье и кинулась назад, в квартиру.

Абракадабр мрачно усмехнулся: «Они будут во дворе».

Он сел в лифте на скамеечку и, для удобства свесив голову вниз почти до пола, обдумал план действий во всех подробностях.

Прежде всего он отберёт у мальчиков кисть! А потом...

Потом заманит к себе! О, он ещё рассчитается с этими щенками! Они узнают, кто такой Абракадабр! Он их сотрёт не сразу, нет! Он будет их стирать каждый день по кусочку! Он будет стирать их по ноготку, по волоску! А они будут кричать: «Дяденька, не стирай!..»

Представив себе эту картину, старичок громко засопел от предвкушения мести. В нём кипела такая злоба, что даже его чёрный кот, выдавший виды и привыкший ко всему, вскочил на

деревянный костыль и, склонив голову набок, начал смотреть на волшебника, будто видел его первый раз в жизни.

8

Дворник Варфоломей поливал двор, смывая разноцветную грязь, оставшуюся от праздничного ремонта. В водосточном люке с решёткой кипела и пенилась вода, в неё вливались синие и жёлтые струйки. Заметив, что воробьи, слетевшие с только что покрашенной крыши, оставляли на вымытом асфальте зелёные треугольники лапок, Варфоломей направил на птиц струю, и они с криком разлетелись, мокрые и взъерошенные.

— С лёгким паром! — сказал им добродушно Варфоломей.

К нему подбежали мальчики и сообщили, что кто-то застрял в лифте. И из окна про то же самое закричала Люся. Дворник недовольно положил брандспойт и ушёл. А Федя и Миша, гордо подняв головы, двинулись дальше, будто настоящие волшебники, обдумывая, что бы такое

необыкновенное сделать. Их всё ещё немножко мутило, и, наверное, потому в голову ничего путного не шло.

Вдруг Федя оживился. На втором дворе на верёвке сушилось Люсино платье, а чуть в стороне, между урной для окурков и анютиными глазками, на скамейке дремала бабушка Лида. На её коленях лежали спицы и недоконченное вязанье. Это была добрая бабушка. Она часто давала им конфеты просто за так, ничего не требуя взамен. А когда Мишка нечаянно разбил мячиком её окно, бабушка Лида даже не пожаловалась управдому. Вот такая это была бабушка!

— Знаешь, — сказал растроганно Мишка, — давай закончим её вязанье. Обрадуем старушку! Мальчики подошли к бабушке, стараясь не разбудить.

— Давай рисуй чулок! — прошептал Федя, протягивая кисть Мишке.

— Какой же это чулок? Это шапочка!

— Сам ты шапочка! — сказал Федя.

И они начали спорить. Мы не будем перечислять все обидные слова, которыми

обменивались приятели, решившие сделать доброе дело. Эти слова вы и сами знаете. Вернёмся лучше к дворнику и волшебнику.

Варфоломею ничего не стоило починить лифт. Абракадабр скоро почувствовал, что лифт поплыл вверх и остановился на пятом этаже. Старичок вышел и постоял, прислушиваясь к удаляющимся шагам дворника. Потом, подхватив под мышку костыли, он побежал вниз теми бесшумными шагами, какими умеют бегать волшебники.

Выскочив на улицу, Абракадабр дал пинка своему коту; чёрный Вася помчался к мастерской дырок и исчез в форточке. А волшебник заковылял на костылях к воротам.

Он задышался от нетерпения. Наконец волшебная кисть, та самая, которую он искал целых два года, наконец-то она в его руках! Остались сущие пустяки: войти во двор и отнять её у маленьких мальчиков. Прыгая на костылях, Абракадабр подскочил к воротам. Но тут его встретило грозное рычание.

Посреди ворот лежал Тузик. Из его пасти, как раскаты далёкого грома, лилось безостановочное «р-р-р»

»... Волшебник остановился в раздумье, потом, порывшись в кармане, вытащил бронзовый амулет с арабскими буквами, крошки нюхательного табака и завалывшуюся берцовую кость. Амулет и табак Абракадабр бросил обратно в карман, а кость показал Тузику.

— Дать собачке? — спросил он противным голосом. «Р-р-р!» — сказал Тузик и приподнял с одной стороны губу, показав белый клык.

Волшебник пожал плечами, потряс рукав своего пиджака. И из рукава выпал кожаный ошейник с костяными украшениями.

— Не соблаговолит ли мудрейший из псов принять от нас скромный подарок? Ошейник из кошачьих зубов. Он предохраняет от всех бед: от ампутации хвоста, от стригущего лишая и от летящих камней.

«Р-р-р!» — сказал Тузик ещё грознее.

Абракадабр удивился.

— Ты думаешь, что чёрный Вася всё ещё тут? — Он вывернул второй карман. — Его нет, видишь?

«Р-р-р!» — сказал Тузик и вскочил на ноги.

Абракадабр попятился. Он был озадачен. Что бы это могло значить? Даже такие драгоценные реликвии, перечисленные в «Серой книге» злых волшебников, и те оказались бессильны! «Ну и королевство!.. — подумал Абракадабр. — Ну и времена!»

Мог ли он подозревать, что разгадка тайны находилась позади него? Это был невзрачный каменный столбик, косо торчавший у ворот на краю мостовой: для ваших глаз — простой столбик, но для Тузикиного носа — центральный собачий журнально-газетный киоск!

К этому столбику прибегали собаки всего района. Обнюхав столбик снизу вверх, можно было узнать, что произошло в мире. Не появились ли на свалке новые кости? И кто кого укусил? И кто загнал кошку на дерево? И целую кучу других, не менее важных известий. Много раз уже собаки сообщали друг другу и о злом волшебнике Абракадабре, передавая его запах — отпечатывая его на столбике, чтобы все запомнили. И если бы люди догадались нагнуться к столбику, они давно поняли бы, что над их улицей нависла

страшная угроза. Теперь вам ясно, почему Тузика нельзя было подкупить ни берцовой костью, ни ошейником из кошачьих зубов?

Волшебник стоял и размышлял, но, увидев в глубине двора мальчиков с костью, решился. Осторожно, бочком Абракадабр начал проходить в ворота, умильно говоря рычавшему Тузику:

— Хороший пёсик... Умный пёсик...

Но Тузик сделал вид, что не понимает человеческого языка, бросился вперёд и вцепился зубами в икру злого волшебника.

Абракадабр швырнул костыли и без оглядки помчался домой. И это ещё счастье для него, что все на улице — и маляры, и монтеры, и стекольщики — были на обеденном перерыве.

Вот почему никто не увидел, что инвалид на самом деле не инвалид, а кто-то другой. Вбежав в мастерскую, Абракадабр открыл семь замков сундука при помощи семи ключей и семи заклинаний.

— Сейчас я сотру тебя, мерзкий пёс! Сотру с

хвостом и ушами! — шипел он, доставая из сундука волшебную резинку.

Дрожа от ярости, он сунул резинку в карман, снял с двери табличку «Закрото на обед», повесил табличку, предназначенную для более долгих отлучек, — «Закрото на переучёт», сбежал по лестнице, сел в свою инвалидную механическую коляску и выехал.

9

Переезжая через улицу, волшебник мимоходом проверил резинку — махнул по воздуху и стёр муху, жужжавшую у носа. Резинка действовала! Тогда волшебник нацелился в голубя, гулявшего по мостовой. Птицы на этой улице не боялись людей. Абракадабр взмахнул резинкой, голубь взлетел, но кончик его крыла был стёрт, и голубь с пискom упал за соседний забор.

«Не забыть прежде всего стереть зубы этому псу...» — думал Абракадабр, подъезжая к воротам.

Тузик с рычанием встал. Бедный Тузик!

Откуда могла знать простая дворовая собака, что от резинки, на которой нарисован заяц, надо бежать без оглядки! Волшебник поднял резинку, прицелился. Тузик прижал комок, как пружина, готовясь к прыжку. Но тут раздался голос:

— Тузик!

И из дворницкой вышел Варфоломей.

Конечно, волшебнику ничего не стоило бы стереть и дворняжку, и дворника. Но на груди Варфоломея сияла бляха. А Абракадабр знал, что это за бляха!

Знайте и вы: эта бляха вырезана из того же куска железа, что и бляхи всех других дворников Фединой улицы. А железо это волшебное. Его сделал на Урале сам добрый великан Блюминг. Стоило кому-нибудь чужому дотронуться до одной бляхи, как все остальные бляхи начинали дрожать и звенеть, и все дворники сбегались на помощь с метлами и брандспойтами. И это всегда кончалось плохо.

Поэтому Абракадабр, пока дворник его не заметил, попятился и скрылся за забором.

Но времени терять было нельзя. Абракадабр издал священный писк рукокрылых. Сейчас же примчался чёрный кот и сел, ожидая повелений.

На этот раз хитрость злого волшебника удалась. Он шепнул что-то коту. И чёрный Вася, играя кончиком хвоста, пошёл к воротам. Некоторое время Тузик и кот смотрели друг на друга, и в их глазах разгорался священный огонь ненависти. Тузик стоял как изваяние. Тогда Вася (непонятно, — почему чёрного кота с таким тёмным прошлым и вдруг звали Васей?)

Ну, да ладно!)... тогда Вася подошёл к самому носу собаки и легко перепрыгнул через неё. Тузик не пошевелился. Кот посмотрел на Тузика, постоял, потом сорвался с места, и его хвост исчез за углом. Этого Тузик вынести не мог. Он кинулся со всех ног за котом.

Если бы мы были не людьми, а молниями, и могли угнаться за Васей и Тузиком, мы увидели бы, как кот и пёс, завернув за угол, пронеслись через двенадцать проходных дворов, ныряя в подворотни, пролетая сквозь дырявые вёдра, как они пробежали через

общежитие студентов консерватории, как пересекли Орликов переулок между мчащимися колёсами грузовиков, как провалились один за другим в чан для варки асфальта и выскочили из него дымящиеся. В них летели камни и проклятия.

Но камни их не настигали. А проклятий они не слышали, потому что звук отставал от них, как от реактивных самолётов. И если бы вам довелось видеть, как они пронеслись по перрону Каланчевского вокзала, вы бы сказали: нет, это не кот и собака, это чума и холера, и неизвестно, кто из них холера и кто чума, и кто за кем гонится.

Едва Тузик и Василий скрылись за углом. Абракадабр смело въехал на своей коляске в ворота.

В глубине двора он опять увидел мальчиков и золотую кисть. На дворника волшебник не глядел. Но дворник, у которого на ладони лежал голубь со стёртым крылом, сам преградил ему путь.

— З а ч е м в ы з д е с ь? — мрачно спросил он.

— Мне захотелось понюхать анютины глазки, — ответил, не задумываясь, Абракадабр.

— Вы плохой человек, — сказал дворник. — Зачем вы срезали крыло у птицы?

— Что?!

— Я всё видел, — внушительно сказал Варфоломей. — Я давно вас заметил. Воробьи не слетаются к вашему окну. Ласточки не вьют гнёзда за вывеской вашей мастерской. Даже журавли, когда летят из Африки, долетев до вашего дома, сворачивают в сторону.

— Какая-то чушь! — сказал волшебник, с отвращением косясь на бляху.

О, эта бляха! Если бы не она, этого дворника давно уже не было бы в живых!.. А время шло! И великий король ждал. А кисть была рядом!.. И главное — обеденный перерыв не мог тянуться вечно...

— Уходите! — сказал дворник и грозно поднял метлу. Если бы Варфоломей приподнял тёмные очки Абракадабра, он увидел бы, что глаза старичка закрыты. Глаза были ему не нужны. Как известно, у рукокрылых радиолокация давно стала шестым

чувством. Но дворник об этом даже не подозревал. Он поправил рукой на груди бляху.

И Абракадабр понял — сейчас сюда сбегутся дворники. И пока будут разбираться, в чём дело, обеденный перерыв кончится. Поэтому волшебник решил не спорить. Тем более, что у него был в запасе способ № 333 из «Серой книги» злых волшебников. Выехав на улицу, Абракадабр направил свою коляску вдоль забора, тщательно осматривая его. Но здесь надо сказать несколько слов о заборе.

10

В отличие от других, этот забор был покрашен не только снаружи — для прохожих, но и внутри — для жильцов. Волшебник видел утром, как этот забор снимал фотограф из «Вечерней Москвы», а перед забором стояли дворник и управдом товарищ Папава, тот самый, которого все на Фединой улице так и называли «товарищ Папава», и никто не мог понять, что это: имя, отчество или фамилия?

Но зачем понадобилось волшебнику осматривать забор? Уж не хотел ли он

перелезть через него? Нет, Абракадабр не собирался перелезть. Он вынул волшебную резинку, оглянулся — не следят ли за ним? — и одним движением протёр в заборе дыру величиной с лошадиную голову. Увидев, что Варфоломея во дворе нет, волшебник быстро увеличил дыру. Оглянувшись ещё раз и убедившись, что никто за ним не следит, волшебник слез с инвалидной коляски и уже просунул в дыру голову, чтобы пролезть, но...

«Вот заколдованный двор! — подумал волшебник. — Как только я пробую пролезть в него, обязательно случается какое-нибудь но!»

Из дворницкой опять появилась бляха, а за нею и сам Варфоломей. Волшебнику оставалось лишь переждать, пока дворник уйдёт. И он стал пережидать.

Окинув довольным взглядом двор, который после ремонта казался совсем новым (если не считать недостроенного гаража), Варфоломей собирался уйти в дворницкую, но замер и протёр глаза.

Нет, ему не снилось! В заборе зияла дыра! В их заборе! В знаменитом заборе! В заборе,

покрашенном не только с улицы, но и со двора! Дыра! Это было неслыханно! И за дырой мелькнуло что-то знакомое и отвратительное. Правда, лица Абракадабра дворник различить не успел — волшебник с быстротой молнии откатился и въехал на своей коляске в парадную дверь, ту самую, где была отпечатана Фебина пятерня.

И надо сказать, спрятался он как раз вовремя, так как спустя мгновение Варфоломей выбежал на улицу и помчался в домовую контору, помещавшуюся рядом с булочной. Волшебник при виде маленькой пятерни на двери поморщился, но, заметив спину удаляющегося дворника, облегчённо вздохнул и двинулся к пролomu. Теперь уже ничто не могло ему помешать: во дворе не было ни дворника, ни Тузика!

Подъехав на коляске к забору, волшебник замер, как вкопанный. В заборе дыры не было! Не было никакой дыры! Через эту тайну нельзя было так просто перешагнуть. Её следовало разгадать.

Кто это мог сделать? — думал Абракадабр. — Кто мне мог так навредить? Наверное,

волшебник Сивцева Вражка! А может быть, это волшебник Спасоболвановского переулка? Но скорей всего... — от этой мысли он поёжился, — всё дело в маленькой пятерне! Вдруг это магический знак? — Он подумал ещё немного и решил: „Надо попробовать её стереть“.

11

Столько событий уже произошло из-за волшебной кисти! Кот и пёс уже пронеслись через Центральный рынок, вызвав смятение среди молочниц. Уже лежала первая жертва Абракадабра — голубь с повреждённым крылом — в коробке с ватой на подоконнике дворницкой. Король злых волшебников, получив донесение Большого Ушана, уже готовился стереть Федину улицу. А Федя и Миша ни о чём не подозревали.

Спор о том, что хотела связать бабушка Лида — шапочку или чулок, — затянулся. И мальчики из-за этого чуть не подрались. Наконец они бросили монету, и выпала решка, решив дело в пользу чулка. Стоит ли рассказывать, как мальчики взмахнули

волшебной кистью, и у бабушки, спящей в лучах солнца, появился на коленях довязанный чулок.

Когда мальчики увидели чулок и представили себе, как будет счастлива старушка, они запрыгали от радости. Они пошли дальше, рассуждая, что бы ещё хорошее сделать. Надо ли удивляться, что, увидев в заборе дыру, они приказали своей кисти закрасить её.

Это было за две — нет, за две и три четверти секунды до того, как к дыре с другой стороны подошёл Абракадабр. И, если бы волшебник не задумался, стараясь разгадать тайну, а прямо тут же протёр в заборе вторую дыру, мы бы навсегда распрощались с мальчиками и нам не о чем было бы дальше рассказывать. Злой волшебник стёр бы их резинкой и завладел кистью. Но этого не произошло: вот что получается, когда люди задумываются не вовремя.

Мальчики пошли дальше. Светило полуденное солнце, и от стен шёл горячий запах свежей краски. Федя всё ещё думал, как обрадуется старушка чулку.

— Слышь, Федя! — неожиданно сказал Мишка. — А вдруг бабушку хватит солнечный удар, и она чулка не увидит?!

Эта мысль встревожила мальчиков.

— Знаю, что сделать! — сказал Федя. — Идём! Они вернулись. Старушка, пригревшись на солнышке, всё так же сладко дремала, и на её коленях всё так же лежал чулок. Миша смотрел на Федю и никак не мог понять, что тот задумал. А Федя встал позади бабушки, поднял кисть и сказал:

— Кисть, а кисть, хочу... — он горделиво поглядел на приятеля, — хочу тенистое дерево!

Волшебная кисть в его руках опять вздрогнула и, почти вырываясь, запрыгала в разные стороны так, что Федя еле её удерживал. А позади бабушки Лиды стала вырастать тенистая липа, с веток которой даже свисали серёжки липового цвета. И по всему двору пошёл запах. И откуда ни возмись, загудели пчёлы. Летая среди зелёной листвы, они казались золотыми брызгами, оторвавшимися от золотой кисти.

Федя сказал:

— Увидишь, с этой липы пчёлы наберут сто пудов мёда!

— Ну да, сто! — возразил Мишка. — Самое большое — девяносто пять!

С восхищением мальчики смотрели на дерево, хотя цели им достичь всё же не удалось. Федя ошибся: тень упала не на бабушку, а на клумбу.

— Эх ты, волшебник! — сказал Мишка, отобрал кисть и нарисовал вторую липу, ещё лучше, которая закрыла бабушку от солнца часов до трёх дня.

Между тем злой волшебник Абракадабр стоял у парадной двери и внимательно рассматривал отпечаток маленькой пятерни. На вид в ней не было ничего угрожающего; вот если бы ещё отпечатались острый коготь или шестой палец, следовало бы опасаться. Нет, не похоже, что пятерня — магический знак! Впрочем, это легко проверить! Если она магическая, волшебная резинка её не возьмёт...

Кончиком резинки Абракадабр осторожно прикоснулся к отпечатку. Он легко стёрся. Волшебник облегчённо вздохнул и решил сейчас же, не теряя времени, протереть в заборе вторую дыру. Он повернулся к забору и — проклятье! — опять увидел Варфоломея.

Мало того, рядом с дворником шагал сам управдом товарищ Папава. Нечего делать, пришлось волшебнику снова скрыться в подъезде и переждать.

Товарищ Папава был не на шутку встревожен. Надо же было, чтобы несчастье постигло тот самый забор, возле которого его фотографировали!

— Ну где? — спросил он нервно. Его чёрная борода торчала вперёд.

— Здесь... — сказал неуверенно Варфоломей. — Или тут... Дыры не было.

— Слушайте! — сказал товарищ Папава. — Я работаю с шести утра! И если каждый дворник или водопроводчик будет позволять себе такие шутки... — он не договорил и пошёл обратно в домовую контору.

Варфоломей тупо глядел на забор. Из подъезда выглядывал волшебник, приплясывая от нетерпения.

— Ах, если бы не бляха!.. — стонал он.

А мальчики были во дворе и совершенно ни о чём не подозревали. Они держали золотую кисть и думали, какое доброе дело им ещё сделать.

12

Возле недостроенного гаража сидел грустный человек, который уже сорок минут пытался завести свою легковую машину, и у него ничего не получалось. Это был автомобиль, взявший приз на Всемирной парижской выставке 1900 года. Его владелец, Ромашкин, служил в бюро погоды.

— Помочь? — с готовностью спросил Фёдя.

— Не надо, — сказал Ромашкин, думая о своём.

— Может, новый баллон? Сменить карбюратор? — спросил Миша.

— Нет, — сказал Ромашкин.

— Дядя Сеня, а дядя Сеня, почему вы такой грустный? — спросил Фёдя, подмигивая Мишке на Ромашкина и на кисть.

— Нипочему, — сказал Ромашкин. Не мог же он сознаться, что его уволили со службы за то, что он предсказал на весь месяц дождь, а всё время светило солнце.

— Дядя Сеня, а дядя Сеня... — продолжал приставать Фёдя.

Его прервал дворник Варфоломей. Он вошёл во двор как потерянный.

— Разрешите обратиться, — сказал он Ромашкину. — Посмотрите на забор!

Ромашкин посмотрел.

— Ну и что?

— ...Вы не видите случайно... дыру?

— Нет, — буркнул Ромашкин.

Мальчики переглянулись, но Варфоломей почему-то не обрадовался, что дыры нет.

— Спасибо, — дрожащим голосом сказал он и скрылся в дворницкой.

— Дядя Сеня, а дядя Сеня... — опять начал приставать Фёдя. — Может, вам новый сигнал, как у «Чайки»? Ну, пожалуйста.

Ромашкин молча полез под машину. Тогда и мальчики полезли туда же, готовые помочь, если надо. Вот почему они не видели, как позади них в заборе снова появилась дыра. И в дыре — страшное лицо Абракадабра.

Теперь волшебник протёр дыру и пролез в неё без всяких препятствий. Он сразу увидел мальчиков и Ромашкина — они лежали под

машиной, их ноги торчали в разные стороны.
А кисть лежала одна.

Абракадабр начал подкрадываться, и с каждым шагом лицо его становилось страшнее. Наконец он протянул руку к кисти, оглянулся и облегчённо вздохнул. На этот раз за ним никто не следил.

О, как жестоко он ошибался! За ним всё время следили четыре миллиарда пятьсот миллионов глаз. Это были пчёлы, собиравшие мёд на двух новых липах, а у каждой пчелы — это всем известно! — три циклопических глаза на темени и ещё десять тысяч немигающих глаз по бокам. Дружным роем пчёлы неожиданно накинулись на волшебника.

Защищаясь, Абракадабр попробовал их стереть и даже стёр несколько десятков. Но разве под силу одному простому волшебнику бороться против целого роя разъярённых пчёл? Хватаясь то за нос, то за глаз, Абракадабр пустился наутёк. А кисть осталась лежать там, где лежала.

«Да, этот двор заколдован...» — думал Абракадабр.

Теперь он в этом окончательно убедился. Он сидел у себя в мастерской и никак не мог отдышаться. Один глаз у него закрылся, а губа распухла. «Надо действовать иначе. Если не удастся самому проникнуть во двор, — значит, надо выманить оттуда мальчиков. Это ясно как ночь! И заманить их к себе! Как это сделать? Очень просто, через Федькину сестру!»

Приняв это решение, Абракадабр повеселел. И, как мы увидим дальше, повеселел не зря: новый план, хотя и не сразу, всё же принёс ему победу. Но об этом после. Пока же Абракадабр покинул свою мастерскую, опять на костылях вошёл в подъезд и, покосившись на лифт, стал подниматься пешком.

«Интересно всё-таки, в чём дело? — думал волшебник, взбираясь по лестнице. — Может быть, в чёрной бороде управдома? Может быть, она заколдована? А может быть, всё дело в его фамилии?»

— Па-па-ва, — сказал он. — Очень похоже на заклинание! Но надо действовать!..

А во дворе из-под машины всё ещё торчали шесть ног. Из этого можно заключить, что Варфоломей пробыл в дворницкой совсем недолго. Несколько успокоившись, дворник вышел из дому и всей грудью вдохнул в себя запах свежей краски, всегда доставлявший ему радость. «Где ремонт — там жизнь», — мог бы сказать Варфоломей, если бы был немного философом. «Значит, так... — озабоченно думал он. — Маляр обещал докрасить карниз под крышей к двум часам. В три тридцать придёт машина за мусором. Ах, да, совсем забыл — надо побелить столбик у ворот».

Он собрался вернуться за ведёрком с известью, когда взгляд его упал на злосчастный забор. От неожиданности Варфоломей пошатнулся, прикрыл глаза рукой, потом опять посмотрел. В заборе зияла дыра. Побледнев, Варфоломей сделал два шага назад. Дыра не исчезла.

Не спуская с неё глаз, словно боясь, что она пропадёт, Варфоломей вытянул шею и осторожно, не останавливаясь, пошёл к дыре. Подойдя, он просунул в неё дрожащую руку. Рука проходила! Он просунул голову и увидел направо и налево улицу, столь знакомую, что сомнений, увы, быть не могло.

И всё же Варфоломей не верил себе. Спотыкаясь, он побежал за метлой, принёс её, просунул метлу сквозь дыру, выбежал через ворота на улицу, убедился, что кончик метлы торчит. И помчался со всех ног в домовую контору.

13

Товарищ Папава был окружён посетителями. Монтёр требовал дополнительно семь красных лампочек — осветить флаги. Какая-то женщина из квартиры двадцать два кричала про кривое стекло, что ей вчера вставили, «Через твоё стекло, — кричала она стекольщику, — вместо одной бочки у ларька я вижу две бочки!..» А стекольщик стоял тут же и делал вид, что это его не касается. Уполномоченный конторы «Заготживсырьё» стучал кулаком по столу и требовал, чтобы под праздник на каждой лестнице поставили добавочные вёдра для очистков. «Кормление свиней не роскошь, — гудел он, — а общественная необходимость!» Домовый активист, трудившийся над стенгазетой, уже пятый раз спрашивал товарища Папаву, как лучше написать: «Первомайский привет

аккуратным плательщикам» или «С Первым мая, дорогие аккуратные плательщики!» Посетители кричали, размахивали руками.

Хлопнула дверь. Товарищ Папава поднял от стола страдальческие глаза и увидел дворника: на нём не было лица.

— Пожар?! — спросил управдом.

— Дыра! — сказал дворник чужим голосом. — Если я вру... — начал дворник. Он уже собрался клясться самыми страшными клятвами, но неожиданно для себя ещё раз сказал: — Дыра!

Управдом встал, раздвинул посетителей, пошёл к выходу.

Первое, чего не увидел дворник, подходя к забору, — конца метлы, которая должна была торчать из дыры. А когда они вошли во двор, Варфоломей убедился, что и дыры не было. Её, как не трудно догадаться, опять заделали мальчики волшебной кистью. Управдом безмолвно поглядел на дворника. Варфоломей заплакал, сказал:

— Увольте меня! — И, рыдая, ушёл в дворницкую.

— Два года! — вдруг завизжал управдом. — Два года строите гараж и никак не достроите!..

Ромашкин высунулся из-под машины.

— Да, да! Это я вам, товарищ Ромашкин! Если сегодня до двенадцати ноль-ноль не достроите, мы его снесём!

Управдом показал кулак в сторону дворницкой и пошёл к воротам.

— Нет того, чтобы самому помочь достроить, — проворчал вслед Ромашкин.

Управдом мрачно оглянулся и ушёл.

Мальчики глядели на дядю Сеню. Они горячо ему сочувствовали. Хоть он и скрывал, они ведь знали, что его сегодня уволили со службы за то, что целый месяц не было дождя, а тут ещё грозятся гараж разломать!

— Дядя Сеня! — сказал Фёдя. — Мы достроим гараж. Честное слово. Только скажите, — из чего?

— А-а, из чего угодно, — сказал Ромашкин, махнул безнадежно рукой и ушёл домой.

Подняв с земли волшебную кисть, Федя звонко сказал:

— Кисть, а кисть, хочу гараж последней конструкции!

И кисть опять запрыгала в его руках, так запрыгала, что Мише пришлось прийти на помощь.

Вдруг во двор вбежала Люся.

— Мальчики! — крикнула она. — Скорей!

Но для того чтобы знать, зачем она это крикнула, надо знать, — откуда она прибежала.

14

Вы помните, что злой волшебник пошёл к Кате за помощью? Когда он поднимался по лестнице, Катя выбежала на площадку и стала спускаться: она опять шла к Люде Беловой, чтобы ответить друг другу всё про Африку.

— Ой, извините! — сказала Катя, чуть не налетев на старичка.

— Ты не видела?.. — начал он.

— Вы не видели?.. — начала она.

— Тише! — сказал он. — Что ты хотела спросить?

— Сначала вы задайте вопрос, — вежливо сказала Катя. — Вы старше.

— Нет, уж спрашивай ты.

— Не видели ли вы двух мальчиков?

— С кистью? — спросил старичок, радуясь, что так быстро встретил ту девочку, которая была ему нужна.

— С кистью, — сказала она.

— Ой, девочка, — заплакал Абракадабр. — Ты одна меня можешь спасти. Ты и те два мальчика...

И он рассказал ей историю, услышав которую нельзя было не заплакать.

— Я очень бедный, — грустно начал старичок. — Однажды мне сшили шинель, и её украли...

— Это по телевизору показывали, — сказала Катя.

— Показывали? — спросил он сквозь слезы. — Ну, ладно...

Как-то раз в горах Кавказа я боролся с барсом!
— И убили его? — перебила Катя.
— А что? — сказал старичок подозрительно.
— Ничего, я это учила наизусть.

Волшебник был невежественен. Он не знал других литературных примеров и злобно смотрел на Катю, не находя слов. Он понял, что вызвать сочувствие у этой девочки труднее, чем вызвать гром и молнию. Поэтому Абракадабр перешёл прямо к делу.

— Девочка! — сказал он тоном строгой учительницы. — Ты сейчас пойдёшь во двор и приведёшь ко мне в мастерскую тех двух мальчиков с кистью. А я тебе дам шоколадку.

— Благодарю вас, — вежливо сказала Катя. — Не могу. Я дала себе слово выучить все уроки, чтобы на праздники погулять. Правда, я молодец?

— Молодец, молодец, — сказал волшебник.

Катя чинно спускалась по лестнице. Абракадабр поглядел ей вслед и подумал: «Не стереть ли её волшебной резинкой?» — и тоже начал спускаться.

Но в это самое время открылась дверь и на лестницу вышла нарядная Люся.

— Здравствуйте, добрый волшебник! — сказала она.

— Здрате-здрате, — сказал старичок.

— Правда, мне идёт ваше платье? — и Люся повернулась на одной ножке.

— Идёт-идёт, — сказал старичок. — Слушай, Люся! Знаешь ли ты, что злые волшебники задумали нас всех погубить? Они решили стереть с лица земли всё: твой дом, и твою улицу, и весь город.

— И бабушку?

— И бабушку, — сказал Абракадабр. — Ты одна можешь всех спасти. Ты и те два мальчика с кисточкой. Повтори!

— Я и те два мальчика с кисточкой, — поспешно повторила Люся.

— Так вот... Беги со всех ног и приведи мальчиков ко мне — вон туда! — Он показал через окно лестницы на мастерскую дырок.

— Сейчас! — сказала Люся и побежала вниз по лестнице.

Когда Люся вбежала во двор, перед мальчиками только что вырос гараж, сверкая изогнутой крышей, с водопроводным краном и широкой решётчатой дверью из дюралюминия.

— Мальчики! — крикнула Люся. — Скорей!

— Не мешай! — сказал Фёдя и начал с Мишкой обходить гараж кругом, осматривая. Люся бежала за ними.

— Знаете что... — говорила она. — Добрый волшеб...

Но они её не слушали. Какой жалкой показалась им машина Ромашкина рядом с гаражом — этим чудом техники!

Фёдя и Мишка подумали и решили подарить дяде Сене новый автомобиль «Чайка».

— А вдруг кисть «Чайку» не знает? — спросил Миша.

— Ну да, — обиделся Фёдя. — Ты знаешь, а она нет!

Конечно, кисть знала всё. Не прошло и минуты, как перед гаражом стояла новенькая машина. Люся открыла рот словно зачарованная. Чтобы дядя Сенья не перепутал,

Миша перевесил номер с его старой машины на «Чайку». А старую машину мальчики закатили в пустой сарай для дров.

— Добрый волшебник велел... — начала опять Люся.

— Сказано: не мешай! — оборвал Мишка.

Рядом с сараем на подоконнике дворницкой лежала коробка с ватой, и в ней голубь, у которого не было конца крыла. Фёдя взял голубя в руки, а Мишка нацелился кистью и сказал:

— Кисть, а кисть, хочу целое крыло!

Волшебная кисть заработала, голубь испуганно затрепыхался в Фединых руках, стараясь вырваться. Но кисть ему не делала больно, и голубь успокоился.

Наконец кисть остановилась. Фёдя распрямил ладонь, голубь встал на лапки, распушил новое крыло так, что каждое перышко встало дыбом, и взлетел. Затаив дыхание, мальчики смотрели, как голубь поднимался всё выше и выше, и, наконец, исчез в небе.

Щурясь от солнца, Фёдя и Мишка долго еще глядели ввысь.

— А что, если... — сказал Мишка и осекся.

— Знаю, — сказал Фёдя замирающим голосом. — Что, если подарить дяде Сене дождь?

Они робко поглядели на чистое небо, на сверкающее солнце. И Фёдя решился. Подняв кисть к небу, он сказал тихо, почти шёпотом:

— Кисть, а кисть, хочу тучу на небе!

Сперва кисть лежала в его руке неподвижно, словно не знала, как приняться за дело. Потом, плавно покачиваясь, тронулась. И за нею дымным хвостом, сливаясь в кольца и разрастаясь, за клубилась настоящая дождевая туча. Раздался удар грома. С неба упала первая дождевая капля. И по крышам весело застучал дождь, — тот самый дождь, который предсказал Ромашкин. Этот дождь падал на крыши всего района. Он разбудил бабушку Лиду, хотя густая листва оказалась лучше любого зонтика и на старушку не упала ни одна капля. Склонив голову набок, бабушка долго смотрела на совершенно довязанный чулок.

— Вы подумайте! — сказала она себе. — Я спала, а руки мои вязали?! Это надо немедленно рассказать Люсе...

Дождь разбудил и метеоролога Ромашкина. Мог ли он его не разбудить? Ромашкин выбежал во двор без шапки. Каким счастьем светились его глаза!

— Сеня! Дождь! — с радостным изумлением сообщила ему из окошка жена Липа.

Но Ромашкин не слышал её. Он стоял около новенького гаража, около новенькой «Чайки» и не видел их. По его лицу текли струйки.

«Надо ехать в бюро погоды», — нервно подумал он и повернулся к своей машине, получившей приз на парижской выставке.

Мы не будем описывать, что подумал Ромашкин, увидев «Чайку» и новенький гараж, — это очень трудно. Скажем только, что счастье его было ни с чем не сравнимо. И что в результате своих размышлений он сказал: «Спасибо вам, товарищ Папава!»

Мальчики чуть не упали со смеху. Ромашкин

забрался в машину; за ним гордо влез Мишка. Он деловито осматривал приборы, светящиеся стеклом и никелем, и солидно спросил, ткнув пальцем:

— Манометр?

— Часы, — сказал счастливый Ромашкин.

Тем временем дождик кончился и во двор вышел Варфоломей. На месте недостроенного гаража он увидел чудо техники, мокрое от дождя. И возле него — подумать только! — Ромашкин, уволенный Ромашкин сидел в новой машине «Чайка».

— Откуда?! — только и мог спросить дворник.

— Такая чёрная борода и такое доброе сердце! — крикнул Ромашкин дворнику и дал газ.

Машина мягко тронулась.

— Ты куда? — крикнул Фёдя приятелю. Но Мишка не ответил и вместе с Ромашкиным скрылся за воротами; Варфоломей, выпучив глаза, смотрел вслед.

— Ой, мальчик... мальчик! — сказала Люся. — Знаешь что? Злые волшебники хотят стереть резинкой мою бабушку...

Фёдя насторожился:

— Откуда ты знаешь?

— И ещё они хотят стереть наш дом, тебя и дядю Варфоломея... — стала рассказывать Люся.

— Какая чепуха! Надо проснуться! — озабоченно сказал себе Варфоломей.

А Люся говорила Фёде:

— Только ты и я можем всех спасти! Бежим!

— Что ж ты раньше не сказала! — возмутился Фёдя и они побежали со двора.

А Варфоломей, увидев позади скамьи два развесистых дерева, подошёл, остановился на почтительном расстоянии и спросил бабушку Лиду:

— Откуда?

— Я связала, — общительно сказала бабушка. — Во сне связала, только подумать.

— Слава богу, значит, и верно, сон, — обрадовался дворник.

Он подставил голову под водопроводный

кран, но ничего не исчезло. Тогда, недовольно ворча, что никак не удаётся проснуться, Варфоломей взял ведёрко и короткую кисть, вышел за ворота и побелил каменный столбик. И, надо сказать, это было самой большой ошибкой Варфоломея.

Столбик играет далеко не последнюю роль в этой правдивой истории. Сейчас увидите почему. Не успел дворник покрасить его и уйти, как из-за угла показался Тузик, потерявший во время погони кота. Собака плелась опустив морду и высунув язык так, что его кончик то и дело задевал асфальт, вызывая ощущение чего-то жёсткого и малопитательного. Собачий долг вел Тузика прямо к столбику.

Тузик знал, что соседские собаки должны были оставить сведения обо всём, что случилось, пока он отсутствовал. И действительно, собаки видели всё и оставили все запахи: и как мальчики шли в мастерскую дырок и как девочка бежала под дождём. Они не видели только, как Варфоломей побелил столбик и как вернулся Тузик, потому что в это время по улице проехал крытый автомобиль с надписью «Мясо», и собаки решили

пробежаться — подышать воздухом, который шёл за машиной.

Итак, Тузик подбежал к столбику. Отвратительный запах мела и олифы ударил ему в нос. Тузик чихнул. Центральный собачий журнально-газетный киоск больше не существовал. Вот почему Тузик не знал, что мальчики попали в беду, и не мог сообщить об этом Варфоломею.

16

Притаившись за крыльцом своего домика, Абракадабр видел, как на улицу выбежали Фёдя с кистью и Люся, и его глаза загорелись хищным огнём.

— Куда? Туда? — Фёдя остановился. — Там ведь живёт Абракадабр, злой волшебник!

— Нет, теперь там живёт добрый волшебник! — сказала Люся. — Очень добрый! Он хочет спасти от злых волшебников тебя и меня, и мою бабушку, и всю нашу улицу. Идём, Фёдя! Чего ты боишься?

— Я ничего не боюсь! — гордо сказал Фёдя и побежал под дождём к домику.

Они поднялись по лестнице на чердак.

Федя постучал. Никто не отозвался. Тогда Люся толкнула дверь, она бесшумно открылась. И Федя с Люсей вошли.

Увидев это из-за крыльца своего домика, Абракадабр неслышными шагами взбежал за ними по лестнице, снял у себя с двери табличку «Закрyto на переучёт» и, чтобы никто не мог ему помешать, повесил новую табличку; её он специально приготовил на этот случай: «Закрyto на ремонт».

Потом Абракадабр вошёл на свой чердак. Федя попятился. А старичок хищно прыгнул вперёд — схватил кисть и, вырвав её из рук Феди, отскочил в угол.

— Вы что?! Вы что?!

Люся запищала, а Федя ринулся на старичка. Но злой волшебник схватил огромную резинку:

— Ещё один шаг, и я тебя... Вот так! — и он стёр одним движением ржавое ведро.

— Волшебная резинка... — прошептал Федя.

— Что? — спросила Люся.

— Мы в лапах злых волшебников, — прошептал Федя.

Он схватил табурет и замахнулся, но Абракадабр мазнул резинкой, и табурет исчез, а в руках у Феди остался только кончик ножки.

Как молния, Абракадабр кинулся на мальчика и, перевернув его вниз головой, связал ноги и подвесил на крюк — тот самый, серебряный крюк. Федя пытался отбиваться кулаками, но ничего не вышло. Связав Феде руки, Абракадабр повернулся к Люсе. Она ревела во весь голос. Злой волшебник её тоже связал, перевернул и подвесил на неудобный гвоздь в балке.

Люся начала было просить:

— Зачем меня переворачивать? Вы же добрый волшебник...

Но Федя сказал:

— Молчи, Люська!

А старичок расхохотался дьявольским смехом и написал на стене мелом: «Федя + Люся = Ха-ха-ха!»

— Сотрите меня, а Фёдю пустите! Это я во всём виновата! — плакала Люся.

— Молчи! — сказал ей Фёдя.

Чёрный кот Василий сидел на батарее парового отопления и загадочно смотрел на ребят.

— Ой, дяденька, — пищала Люся. — У меня косичка вниз, бант испачкается...

— Не реви, — сказал ей Фёдя. — Я тебя спасу!
Люся жалобно сказала:

— Я знаю, что я не то говорю, но это потому, что я вверх ногами...

Фёдя повернул голову к старичку:

— А у тебя, подлый Абракадабр, всё равно ничего не выйдет! Тебе не стереть нашу улицу и наш праздник! Кисть будет наша, вот увидишь!

— Замолчи! — сказал Абракадабр. — Мне сейчас не до вас! Мне ещё надо сделать...

Он не сказал что. Но Фёдя увидел: злой волшебник сел посреди мастерской

и, держа в руках золотую кисть, жадно зашептал:

— Кисть, а кисть, хочу золото чеканки нашего королевства.

И кисть начала рисовать монету за монетой. Таких монет не увидишь ни в одной коллекции. На них был герб: два маленьких сердца и дама пик. А торопился Абракадабр потому, что каждую секунду мог прибыть посланник Вампира Дважды-два-пятого.

17

Не успела кисть сделать семьсот седьмую монету, как у кота шерсть поднялась дыбом и от хвоста полетели искры. Абракадабр быстро сгрёб золотые монеты в угол. В дверь стукнули. Абракадабр стал лихорадочно прикрывать золото старым железом. В дверь ещё постучали, и ещё...

Когда волшебник, наконец, открыл дверь и, добродушно щурясь, зевая и потягиваясь, впустил Большого Ушана в мастерскую, его гость в сером посмотрел на Фёдю и Люсю.

— Я поймал их... — льстиво сказал Абракадабр.
— Я их хранил для вас... для короля...

Большой Ушан сухо спросил:

— Где кисть?

— Вот она!

— Давно?

— Уже четыре минуты.

— Отдайте деньги, — сказал Большой Ушан, дьявольски усмехаясь.

— Какие деньги? — изумился Абракадабр.

— Которые вы успели нарисовать.

И Большой Ушан направился в угол, отодвигая ногой старое железо.

— Ах, эти! — простодушно улыбнулся Абракадабр. — А я не знал...

Большой Ушан сгрёб золото и рассыпал по карманам.

— Как действует кисть? — спросил он. Абракадабр льстиво залепетал:

— Надо сказать: «Кисть, а кисть, хочу...» — Он взял кисть в руку. — Что прикажете сделать?

— Сигару.

Холодными глазами следил Большой Ушан

за тем, как кисть рисовала.

Федя крикнул:

— Этой кистью надо делать добрые дела, а не папиросы!

— Замолчи! — сказал Абракадабр.

Большой Ушан, взяв сигару, понюхал её, откусил кончик, подошёл к коту, от шерсти которого посыпались искры, прикурил и сказал:

— Дайте сюда кисть!

Морщась от дыма, Большой Ушан смотрел в полумрак. Его тонкая рука в кольцах с камнями серой яшмы, на которых были вырезаны летучие мыши в семи позах, хищно держала кисть. Подумав, Большой Ушан сказал:

— Кисть, а кисть, хочу бриллиант в миллион каратов!

Кисть вздрогнула и прямо на стене начала

рисовать. Большой Ушан, всегда холодный и бесстрастный, улыбнулся: он подумал, какую награду потребует у великого короля. Но вдруг кисть, золотая волшебная кисть, начала скрипеть, темнеть, гаснуть и, вспыхнув, подобно перегорающей электрической лампочке, ослепительным прощальным огнём, погасла.

В мастерской дырок стало темно. Кисть безжизненно лежала в руках Большого Ушана. Схватив кота, Абракадабр поднял его и осветил половину бриллианта, ещё не законченного и потому не ожившего, оставшегося рисунком на стене. Большой Ушан мрачно посмотрел на Абракадабра.

— Не знаю, — сказал тот. — Он взял кисть из рук Большого Ушана и повторил: — Кисть, а кисть, хочу бриллиант!

Но кисть не действовала. Тогда Абракадабр решил переменить обращение с кистью.

— Уважаемая кисть, — сказал он, — хочу бриллиант!

Ничего не помогало.

— Может быть, мы много хотим? — спросил Большой Ушан.

Взглянув на него, Абракадабр попробовал согласиться на меньшее:

— Кисть, а кисть, хочу пирожок с капустой! Но, как он её ни тряс, кисть по-прежнему лежала в руке неподвижно.

— Ага! Ага! — захохотал Фёдя. — Вот вам!

— Здесь какая-то тайна, — сказал Большой Ушан. — И это очень плохо. У нас нет времени на разгадки. Вы же знаете, завтра в семь утра назначен час, когда по повелению великого короля должна быть стёрта с лица земли вся эта улица и весь праздник. Король сказал, что через тысячу лет, когда всё тут зарастёт слоями высохшей паутины, сюда перенесут его царственную столицу. А вы...

— Те... — зашипел и замахал руками Абракадабр, указывая на Люсю и Фёдю.

Посмотрев на них, Большой Ушан усмехнулся.

— Вот что, — сказал, он Абракадабру, — надо узнать тайну кисти, надо её оживить. А знает тайну кисти только один человек — маляр, главный враг короля. Надо узнать тайну. — Он пристально посмотрел на старичка. — И я знаю, кто это сделает.

— Я? — испуганно спросил Абракадабр.

Большой Ушан усмехнулся.

— Ни вы, ни я.

— А кто же?

— Мальчик.

— Какой мальчик?

Большой Ушан показал глазами на Фёдю.

Абракадабр изумлённо глядел на посланника короля.

— Мальчишка всё разболтает! — пробормотал он робко.

— Мы оставим в залог девчонку, — сказал Большой Ушан. — Пошлём мальчишку. И предупредим: если он не принесёт разгадку тайны или выдаст нас, мы сотрём Люсю!

Абракадабр хотел возразить, но Большой Ушан его остановил:

— Вы плохо знаете этих дикарей. Эти отсталые люди ради того, что они называют товариществом, способны на всё. Этот щенок никогда никому ничего не скажет, пока его подружка здесь.

— Я умываю руки, — предупредил Абракадабр.

— Смотрите, — мрачно сказал Большой Ушан, — как бы вам не пришлось прибегнуть к отравленной игле! — Он вынул часы. — Делайте, что приказано. А я пока должен выполнить другое повеление. Король приказал раньше, чем мы сотрём эту улицу, собрать в домах все колоды карт. Он не простит, если вместе с улицей будет стёрта хоть одна дама пик. — Большой Ушан удалился в глубокой задумчивости.

Причина этой задумчивости была совсем не тайна кисти. Большой Ушан был убеждён: тайна кисти будет разгадана! А задумался он вот над чем: собирать ли, обходя квартиры, одни только карты дамы пик, а может быть, брать ещё флаконы духов «Пиковая дама» и

ноты «Пиковой дамы» — оперы? Или это наивно?

18

Абракадабр перевернул Федю и разрезал верёвки.

— На, — сказал он и протянул мальчику кисть. Федя недоверчиво поглядел на него, затем выхватил кисть и лихорадочно зашептал:

— Кисть, а кисть, хочу пистолет и саблю!

Абракадабр мрачно усмехнулся:

— Ты всё слышал?

Федя гордо молчал.

— ...Если ты через тридцать минут не оживишь кисть и не принесёшь её сюда, я сотру Люську! Выпустив Федю, Абракадабр закрыл чулан. И Федя со всех ног кинулся из мастерской.

Выпустив Федю, Абракадабр закрыл чулан. И Федя со всех ног кинулся из мастерской.

Обеденный перерыв ещё не кончился. На

железных лесах не было ремонтных рабочих; люльки маляров висели неподвижно над самой землёй, и на катке высокое круглое сиденье под полосатым зонтиком пустовало.

Федя искал маляра повсюду: в парикмахерской, заглядывая в лицо каждому намыленному клиенту; в сосисочной, где ели, стоя за мраморными столиками; и, от отчаяния, даже в мастерской, над которой висела вывеска «Выведение пятен», хотя каждому ясно, что маляру выводить пятна со своей спецовки совсем ни к чему.

И каждый раз, когда Федя выбегал на улицу, его подстёгивали, подхлёстывали, подгоняли прыгающие стрелки больших электрических часов, висевших на углу. Федя знал: волшебник выполнит свою угрозу. Вот почему Федя так спешил.

Прохожие оглядывались на странного мальчика, бежавшего по улице и бормотавшего бессвязные слова: «Кисть... Люся... Абракадабр...»

«А вдруг, — подумал Федя, останавливаясь,

— маляр уже пообедал, залез ко мне через окно и ждёт меня?»

Задыхаясь, он помчался домой. В комнате маляра не было. Зато на полу, на столе, на диване грудой лежало всё то богатство, которое волшебной кистью они с Мишкой.

— Катя! — закричал вне себя от волнения Федя и ворвался в столовую.

— Тише, — сказала Катя. — Разве ты не видишь, что я учу географию?

— Катя! — сказал Федя, задыхаясь. — Поклянись мне жизнью папы, мамы, нет, поклянись жизнью твоей Серафимы Алексеевны, что ты не выдашь страшную тайну, которую я тебе сейчас скажу...

— Во-первых, — сказала Катя, — я не буду клясться никакими клятвами, потому что это нехорошо. Во-вторых, я не буду слушать никаких тайн, пока не выучу Африку. А в-третьих, если хочешь знать, уходи отсюда и не мешай!

Если бы даже было «в-четвертых», Федя не услышал бы: он уже бежал вниз по лестнице. Выскочив на улицу, мальчик увидел, как в ворота въезжает новенькая «Чайка» Ромашкина.

«Вот кто поможет!» — решил Фёдя и ринулся во двор.

— Как дела, старик? — весело спросил Ромашкин, вылезая из машины.

— Плохо, — сказал Фёдя.

— Что так? — спросил Ромашкин.

— Дядя Варфоломей! — закричал Фёдя, увидев дворника. — Маляр не у вас?

— Не у нас, — сказал Варфоломей басом. Он собирал по двору железным совком птичий помёт и носил на клумбу.

— Тогда я погиб, — сказал Фёдя.

— Кто погиб, внучек? — любознательно спросила бабушка Лида, сидя на скамейке под липой. Уже десять минут, положив на колени едва начатое вязанье, старушка закрывала глаза и старалась заснуть, чтобы убедиться ещё раз, как это удобно вязать во сне.

— Дядя Сеня, дядя Варфоломей, бабушка! Дайте мне страшную клятву, что вы не выдадите тайну, которую я вам сейчас скажу?

— Клянёмся! — сказали все трое.

— Чем? — придирчиво спросил Фёдя.

— Пусть провалится моя метла... — сказал Варфоломей.

— Пусть лопнет мой барометр... — сказал Ромашкин.

— Пусть укатятся мои клубки... — сказала бабушка.

— ...Если мы выдадим твою тайну! — сказали они хором.

И Фёдя поведал им обо всём. И вчетвером они придумали, как сделать, чтобы Люся не была стёрта волшебной резинкой, пока Фёдя будет искать маляра и узнавать тайну кисти.

Фёдя побежал искать маляра.

— Ах, Люсенька!.. — сказала бабушка, всхлипывая.

А дворник Варфоломей взял метлу и направился к злому волшебнику.

19

Проходя мимо Фединого подъезда, дворник остановился: на двери не было отпечатка маленькой пятерни, которая так портила праздничный ремонт.

«Это хорошая примета», — радостно решил Варфоломей. Заметьте, он даже не удивился

и не подумал: «А куда пятерня девалась» — хотя всякому ясно, что пятерня не могла на засохшей краске просто взять и исчезнуть. Но за последние полчаса Варфоломей привык к чудесам и уже ничему не удивлялся. И это очень хорошо, если вспомнить, куда он сейчас шёл.

Дворник помедлил у старого, покосившегося домика и поднялся по шаткой лестнице на чердак.

— Федя, ты? — спросил через дверь Абракадабр, когда Варфоломей к нему постучал.

— Я, — сказал басом дворник.

Голос показался старичку странным. Но он подумал — наверно, мальчик, ища маляра и лазая по этажам, простыл и охрип.

Открыв дверь и увидев белый фартук дворника, Абракадабр завизжал:

— Вы что, слепой? Мастерская закрыта на ремонт! Тут же написано!

Он хотел захлопнуть дверь, но она не захлопывалась: Варфоломей безмятежно поставил ногу на порог, а в щель просунул метлу.

— Виноват, — сказал он и, оттесняя старичка грудью, пошёл вперёд.

Абракадабр семенил за ним и шипел:

— Говорите скорей, что надо! И уходите!

Дворник оглядел ржавое железо, ища, где Люся. Но её нигде не было видно.

Волшебник, конечно, стёр бы дворника — особенно теперь, когда на его груди не было

опасной бляхи, — но его удерживала мысль: а вдруг бляха под фартуком?!

«Где же была бляха?» — спросите вы.

Когда Варфоломей сказал управдому «увольте меня», он снял бляху и пришил её английской булавкой к заявлению об уходе с поста дворника. Поэтому-то бляхи и не было на его груди. После того как Варфоломей покрасил столбик, это за последние полчаса была вторая ошибка дворника, которая могла ему стоить жизни.

— Ну-с? — тоном Большого Ушана сказал Абракадабр.

Дворник не моргнул глазом.

— Мне нужна дыра, — сказал он.

— В чём?

— В метле.

Абракадабр внимательно посмотрел на Варфоломея. Нет, убедился он, дворник не шутит.

— Зачем? — злобно спросил волшебник. Варфоломей охотно начал рассказывать:

— Когда метёшь улицу, граждане чихают от пыли и ругают тебя, — верно?

— Ну? — спросил волшебник, сбитый с толку таким началом.

— Так вот, я и придумал, чтобы метла собирала пыль. А куда ей лететь, пыли-то?

— Куда? — повторил волшебник.

— В дыру! А к дыре я мешочек приделаю — пыль собирать.

Абракадабр побагровел от негодования.

— Я знаю, что такое пылесос! — сказал он. — Убирайтесь отсюда!

Абракадабр распахнул перед дворником дверь. И в неё с улыбкой вошёл Ромашкин. Оглядываясь — куда же девалась Люся, — он сказал:

— Прекрасная погода.

— Что надо?! — зарычал Абракадабр.

— Вот, — сказал Ромашкин, протягивая барометр, — не угодно ли?

— Что не угодно ли?

— Прodelать дыру.

Абракадабр много видел на своём веку, но это превосходило всё.

— В барометре?! Зачем?!

— Прошу извинения, — поклонился Ромашкин. — Служба погоды умеет хранить свои тайны и требует этого от своих сотрудников. Если бы вы меня спросили: какая сегодня погода? — я бы вам ответил. Большого я сказать не могу.

Пока Абракадабр старался разгадать тайный смысл этих слов, в мастерскую, шевеля спицами, вплыла бабушка Лида. Увидев старушку, волшебник заорал дворнику и Ромашкину:

— Убирайтесь вон!

Но бабушка сказала «здравствуйте, сударь!» — шаря глазами в поисках Люси. И все, кроме хозяина мастерской, чинно уселись на ржавые вёдра. Протягивая волшебнику чулок, старушка сказала простодушно:

— Мне, сударь, нужна дырка в этом чулке!

Абракадабр посмотрел на бабушку, на Варфоломея, на Ромашкина и понял, что это — заговор. Он сразу сделался крайне любезным.

— Дыра в метле — полтинник, — сказал он. — Дыра в барометре — рубль, дыра в чулке — сорок копеек. Цены по прейскуранту.

И вытащил из кармана резинку. Он любезно взял метлу у дворника и вдруг, взмахнув резинкой, стёр всю метлу.

Варфоломей вскочил. Волшебник торжествующе засмеялся. Однако смех застыл на его губах: перед ним, откуда ни возьмись, появилась новенькая метла. И тогда засмеялся Варфоломей: он понял, откуда она взялась! Её сделал своей волшебной кистью Фёдя, притаившийся за дверью. Но расскажем, как Фёдя вернул кисти волшебные свойства.

Когда мальчик обежал все места, где мог быть маляр и даже где он не мог быть, и в отчаянии уселся на люльку маляра, висевшую над землёй, он услышал за спиной знакомый голос:

— Ну что, мальчик?

Федя обернулся. Перед ним стоял маляр и улыбался.

— Ой! — закричал Федя. — Я вас искал-искал! И спросил маляра про тайну кисти.

— Так это очень просто, — сказал маляр. — У тебя кончилась краска. Каждые полчаса кисть нужно обмакивать в ведро. Вот так. Маляр взял из рук Феди кисть, обмакнул в ведро и отдал.

— Всё дело в краске, — сказал он, передавая Феде ещё и ведро.

— Вот спасибо! — радостно воскликнул Федя. Он хотел сейчас же пуститься с кистью и ведром в мастерскую, но маляр его остановил. Ведь этот маляр был добрый волшебник и знал всё, что случилось с Федей и Люсей и что будет дальше.

— От тебя зависит жизнь Люси, — сказал он.
— Значит, вы всё знаете? — Федя был изумлён.

А маляр продолжал:

— Ты должен уничтожить резинку злых

волшебников. И если тебе это удастся, ты спасёшь нашу улицу и наш завтрашний праздник. А теперь беги!

Федя помчался по улице с ведром и кистью, роняя на мостовую золотые капли. К мастерской он подбежал как раз в то мгновение, когда — это мы уже знаем — Абракадабр стёр волшебной резинкой метлу.

20

Увидев, что метла появилась опять, старичок в ярости взмахнул резинкой и стёр барометр Ромашкина. Но и барометр появился таким же чудесным образом. Это Федя, притаившись за дверью, сказал: «Кисть, а кисть, хочу барометр!» Неменяющими руками Абракадабр стёр чулок, но в то же мгновение в руках бабушки Лиды появился новый чулок. И Федя вошёл в мастерскую с кистью наперевес.

— Чур, я один! — крикнул он.

Злой волшебник бросился в битву. Он подбежал к окну, за которым виднелся Федин дом, взмахнул резинкой и стёр половину дома. Все ахнули. Но Федя вскричал: «Кисть, а кисть...» — и стёртая часть дома появилась

опять такая же нарядная, с блистающими окнами.

Абракадабр не терял ни секунды. Подняв резинку, он бросился на Фёдю. Но и Фёдя не терял ни мгновения. Он поднял кисть. Волшебная резинка и волшебная кисть встретились, столкнулись, ударились друг о друга.

Загрохотал гром так, что всё ржавое железо в мастерской подпрыгнуло и повалилось. Искры посыпались от кисти и резинки. Но Варфоломей теперь ничему не удивлялся и спокойно выметал искры метлой. Кот Василий, дико мяукая, метался по мастерской с такой скоростью, что в воздухе оставался чёрный чертёж его движений, не сразу исчезающий. Барометр Ромашкина показывал «бурю». Ища спасения, кот прыгнул в чулок бабушки. И когда старушка испуганно заглянула в чулок, она увидела горящие из глубины два огня — зелёный и красный.

А что делалось на улице! Вихри, вылетающие из мастерской дырок, срывали шляпы с прохожих и уносили под облака. И хозяйки в домах, слыша раскаты грома,

думали, что идёт гроза, закрывали окна и выключали электрические чайники и утюги.

Вдруг раздался последний, самый страшный удар грома, и всё стало тихо. Это Фёдя ловким ударом вышиб резинку из рук Абракадабра.

Резинка упала в волшебное ведро с краской. Раздалось такое шипение, будто выгнули спины тысячи котов или, по меньшей мере, продували котёл паровоза. И Ромашкин увидел, что стрелка барометра пошла на «тихо».

А дворник Варфоломей, один сохранявший полное спокойствие, подошёл к бабушке Лиде, взял из её рук чулок и вытряхнул кота в ведро с краской. Над ведром поднялось облако. И все увидели, что краска в ведре сделалась чёрной, а из ведра, отряхиваясь, выскочил белоснежный кот и, нежно мурлыча, стал тереться о ноги Варфоломея.

И злой волшебник сразу стал добродушнейшим старичком. Он ласково улыбался всем и потирал ручки.

— Где Люся? — спросил его Фёдя.

— В сундуке; а что? — сказал Абракадабр.

Федя подошёл к сундуку и сказал заклинание.

— Танганьика, Бангвеоло, Мверу, Зван, Чад!

При помощи этого заклинания можно ключиком от портфеля запереть сарай для дров, несгораемый шкаф и даже ворота Дорогомилловской пожарной команды.

Замки сразу открылись, из сундука выскочила Люся и кинулась на шею бабушке.

— Бабушка! — крикнула она. — Как хорошо, что ты пришла! Я кричала-кричала из сундука! Разве вы не слышали?

— Не слышали, — сказала бабушка, плача от радости.

А Ромашкин, осматривая сундук, деловито сказал:

— Это, наверно, волшебный сундук. Нельзя ли с его помощью предсказывать погоду? Да вы всё равно не скажете! — махнул он рукой. — Вы нехороший!

— Кто вы такой? — сурово спросил дворник волшебника.

— Абракадабр, — сказал старичок.

— Такой фамилии нет, — сказал дворник.

Старичок, хныча, протянул удостоверение:

— Я инвалид тринадцатой группы.

— Такой группы нет, — сказал дворник.

— Спасибо тебе, Федя, — сказала Люся.

— Спасибо тебе, Феденька, — сказала бабушка.

— Ладно, чего там, — сказал Федя.

Тут он услышал, как далеко на башне пробили часы. Обеденный перерыв кончился. С кистью и волшебным ведром Федя помчался домой.

В мастерской дырок всё ещё трудно было дышать от запаха горелой краски и палёной резины. Варфоломей и Ромашкин посадили Абракадabra в инвалидную коляску и повезли в домовую контору. Мимо по улице весело шли ремонтные рабочие.

Абракадабр злобно смотрел, как один из них надел шлем и взял в руки шланг, чтобы пустить последнюю струю краски на стену дома; как другой сел на каток под зонтик, чтоб прогладить последнюю полосу асфальта. На всех лицах было написано: завтра праздник! И на самой улице было написано: завтра праздник!

Праздник приближался. И вдруг на этой улице, которая наряжалась и прихорашивалась к празднику, Абракадабр увидел Большого Ушана. Ни о чём не подозревая, посланник короля вышел из какого-то подъезда, насвистывая и пряча в карман очередную даму пик. Волшебники встретились глазами. Большой Ушан отшатнулся, понял — всё кончено, оглянулся, куда бежать, поискал глазами что-нибудь серое, чтобы скрыться. Но тумана не было в этот солнечный день. До сумерек было ещё далеко. Внезапно в механической прачечной открыли окно, и оттуда вырвалось облако пара. Не раздумывая, Большой Ушан бросился в это облако, и, когда оно растаяло, посланник короля пропал неизвестно куда.

«Вот ловкач!» — подумал Абракадабр.

Он почувствовал, что от злости перепонки крыльев в его горбе встали торчком.

Рядом раздалось знакомое «р-р-р»... Это Тузик, лёжа в воротах, рычал на волшебника. Тузик знал уже всё, что произошло, потому что золотые капли вели к мастерской, запах палёной резины не успел растаять, да мало ли ещё сохранилось других следов, понятных с полувздоха собачьему носу. Поглядев вслед Варфоломею, катившему коляску с волшебником, Тузик подошёл к столбику, и все запахи, которые скопились на кончике его влажного носа, отпечатал на подсохнувшей краске. Так у ворот снова открылся собачий журнально-газетный киоск.

21

Подбегая к дому, Федя увидел, что маляр поднимается на люльке вверх. Помахав Феде рукой, он что-то крикнул и показал на окно под крышей. Федя помчался домой.

Он вбежал в свою комнату как раз в ту секунду, когда снизу, за окном, выплыла кепка маляра в разноцветных пятнах. Маляр подмигнул Феде.

— Волшебная резинка уничтожена! — сияя, доложил мальчик.

— Что-о?! — не понял маляр.

— Абракадабр пойман.

— Какая ещё абракадабра?

И люлька маляра поплыла вверх.

Федя выглянул за окно. Маляр уже красил своей кистью лепной карниз под крышей. Мальчик сполз с подоконника в комнату и открыл рот: ни скафандра, ни шкуры белого медведя, ни банок с жемчужным порошком — ничего этого не было.

В дверях щёлкнул ключ, и вошла Катя.

— Ну, теперь можешь погулять, — благосклонно сказала она. — Только недолго.

Удивлённый Федя выбежал во двор и увидел белого кота, который шёл по забору. Кот вдруг посмотрел на Фёдю, будто хотел что-то сказать. Но раздумал и пошёл дальше.

В углу двора счастливый Ромашкин

протирает замшей новенькую «Чайку» возле гаража из дюралюминия.

— Прокатить? — спросил Ромашкин.

— Здорово нарисовано. — Федя по-хозяйски похлопал машину по радиатору.

— Что?

— Да ведь это я нарисовал!

— Кто нарисовал? Что нарисовал? — засмеялся Ромашкин. — Я её купил! Я получил премию за отличную работу. И как раз подошла моя очередь на машину — один миллион четыреста пятьдесят тысяч седьмая.

— Но вас же уволили! — вскричал Федя.

— Кого уволили? Ты что? Варфоломей, облей Фёдю!

Федя уныло поплёлся к клумбам. Там на скамейке сидела бабушка Лида, а тётя Липа ей говорила:

— Это ещё что, вязать во сне! Я сейчас пасьянс раскладывала. Гадала для Сени, какая будет погода. Вышла на кухню крышку с кастрюли снять. Прихожу назад — карт нет.

Федя посмотрел на тётю Липу, ущипнул себя и вдруг увидел два дерева, те, что он нарисовал с Мишкой. Он осторожно пощупал кору — настоящие. Но рядом с ними чернела какая-то яма. В это время в ворота въехал грузовик. Из его кузова торчала большая липа.

— Третья, и последняя! — крикнул шофёр Варфоломею. — Принимай!

И они начали выгружать дерево с огромными узловатыми корнями, облепленными землёй.

— Федька! — раздался голос Мишки.

— Мишка! — закричал Федя. — Знаешь, я волшебной кистью уничтожил проклятую резинку!

— Какой волшебной кистью? — спросил Мишка.

— Ну, которой мы рисовали гараж, дождик...

— Ты что... спишь? — спросил Мишка.

Федя посмотрел на товарища, силясь понять, что всё-таки было и чего не было.

— Я тебя искал... — сказал Мишка. — Идём к управдому. Он даст нам гвозди — будем вешать флаги!

Мальчики выбежали на улицу, которую украшали к празднику. Они прошли мимо парадного подъезда. И опять увидели маленькую пятерню — оказывается, её никто не стирал, и она совсем засохла, и теперь можно было быть совершенно уверенным, что она останется так до Первого мая на тот год, когда Фёде будет уже не семь лет, а восемь.

